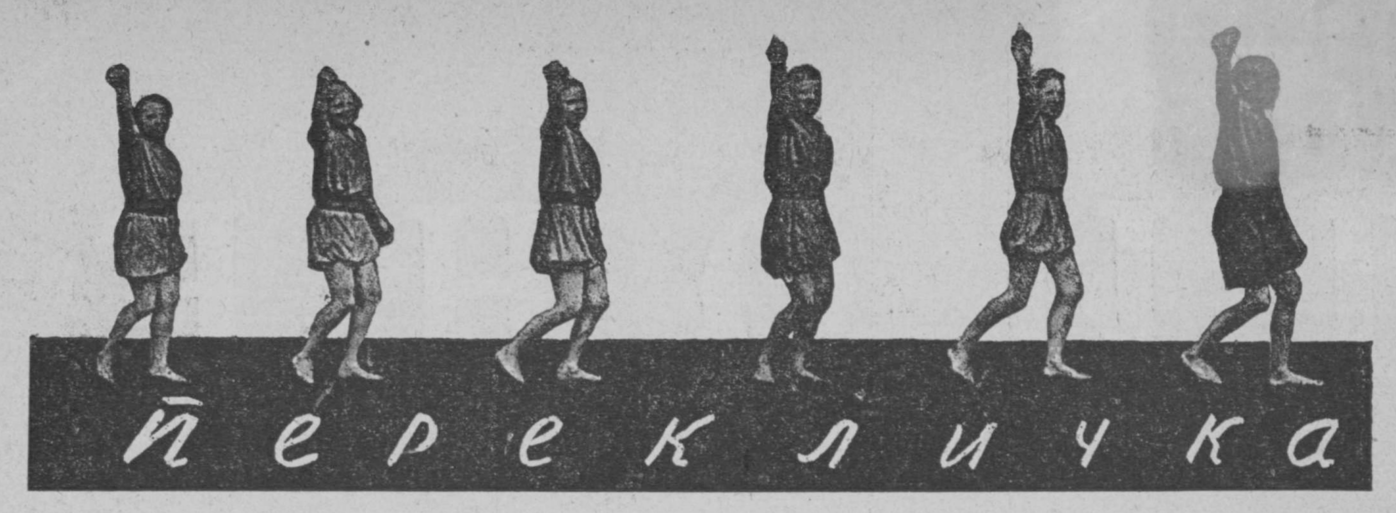
ПИОНЕР

19

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ВОТ КАКОЕ ПИСЬМО ПОСЫЛАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ВСЕМ ГУБЕРНСКИМ БЮРО ПИОНЕРОВ И РЕДАКЦИЯМ ПИОНЕРСКИХ ГАЗЕТ

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Центральное бюро пионеров совместно с редакцией журнала „Пионер“ об'являет по всем организациям Ю. П. конкурс на лучшую живую газету.

Конкурс будет проводиться по каждой губернии отдельно, что несомненно будет способствовать оживлению этой работы в каждой организации.

Проведение губернского конкурса возлагается на редакцию пионергазеты и если ее нет, то непосредственно на Губбюро Ю. П.

Редакция газеты или губбюро выбирает лучшую из газет и посылает текст, фотографии, ноты и прочие материалы в редакцию журнала „Пионер“. Жюри конкурса, которое в свою очередь из числа присланных отметит 5, выехав на места, премирует из них лучшую,

15 ребят из премированной газеты приезжают в Москву на экскурсию на две недели.

Три лучших газеты будут напечатаны в „Пионере“ и изданы отдельной книжной.

При присуждении премии на губернских конкурсах местные жюри должны обращать внимание на следующие моменты:

1) Отражение живой газетой жизни данного отряда. Острое и верное отражение отрядной жизни—главное достоинство живгазеты.

2) Активное восприятие представления зрителями. Их отзывы о представлении.

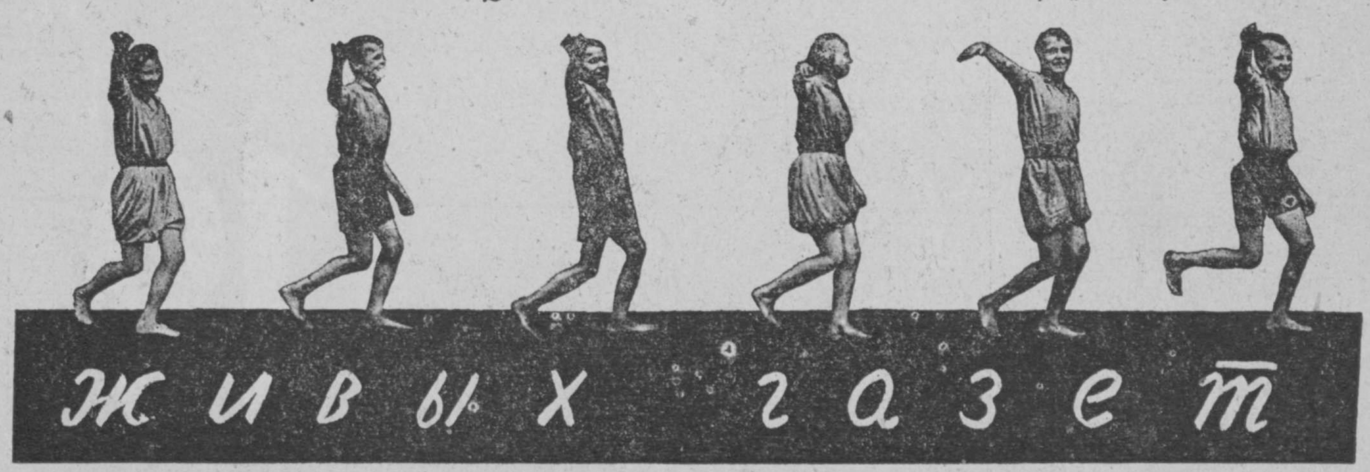
3) Использование газетой живых и веселых форм представления. Отход от шаблона „синей блузы“. Отход от бессодержательных движений, никак не подчеркивающих текста (Произнесение текста под физкультурные упражнения очень распространенное в живгазетах, должно занимать очень ограниченное место).

4) Отсутствие специфического „актерского“ уклона у играющих ребят.

Губернские конкурсы должны быть проведены не позже 15 ноября.

Извещения о ходе работ по конкурсу должны присылаться в редакцию „Пионер“, Москва, Новая пл., 6.

Председатель ЦБ ЮП.: С. Салтанов *Редактор „Пионер“: В. Лядова*

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *Е. Бушуйкина, А. Волков, Н. Крупская, В. Лядова, О. Максина, В. Резин и М. Эпштейн.*

ОТВ. РЕДАКТОР: *В. ЛЯДОВА.*

Главлит № 99228. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 29500.

ПИОНЕРУ

Стих. М. СВЕТЛОВА
Рисунок А. БРЕЯ

Тому, кто годовалым
Встречал Октябрьский
свет,
Не много,
Не мало—
Одиннадцать лет.

А я, ловивший вспышки
В Октябрьский час,
Я старше вдвое слишком
Любого из вас.

Мой славный путь по миру
Лежит широк,
Далек,
Мне двадцать четыре
Исполнилось, дружок.

Я под удары грома
Не коротал шаги,
Мне до ногтей знакомы
Друзья
И враги.

Я со своим отрядом
Выдерживал обстрел,
Когда ребенком рядом
Ты на меня смотрел.

Ты не знавал неволи,
Твой путь широк и прям.
Мой друг! На год всего
лишь
Ты старше Октября!..

Прошла пора былая,
Идут за днями дни,
В глазах твоих пылают
Знакомые огни.

И под высоким флагом
Ты выйдешь на врага
Таким же крепким шагом,
Каким и я шагал.

Уж время трубит к сбору...
Готовься, дружок,
Проверить
Затворы,
Прочистить
Ружье!

Опять завоют глухо
Ряды батарей...
Сильные
Духом,
Вперед,
Смелей!..

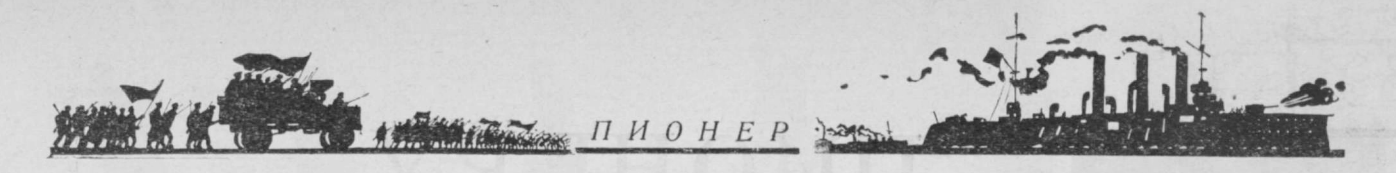
Пусть за тобою следом
Огонь бежит волной,
Дается
Победа
Такою
Ценой.

Смелее, ногу в стремя!..
Встречай же бойцов,
Новое
Время
Октябрьских
Боев.

Встречай же, время крови,
Любого из нас—
Мы будем
Готовы,
Когда ударит час!..

Смелей же! Ногу
в стремя!..
Встречай же бойцов,
Новое
Время
Октябрьских
Боев!

ПО СЛЕДАМ БЕЛЫХ

Воспоминания А. ИЛЬИНА-ЖЕНЕВСКОГО
Рисунки художника М. ДОБРОКОВСКОГО

Заехав по дороге в Смольный и получив некоторые руководящие инструкции от Подвойского и Антонова, которые еле держались на ногах от усталости, мы с братом отправились на Николаевский вокзал, где грузился в эшелоны наш небольшой воинский отряд. Погрузка производилась очень медленно и с большими трениями. Дело в том, что центральный орган железнодорожников—Викжель, в котором было очень много всякого рода железнодорожных чиновников и очень мало рабочих, заявил, что в начавшейся гражданской войне он будет держать нейтралитет и не допустит военных перебросок ни с той ни с другой стороны. И железнодорожные власти, пользуясь этим постановлением Викжеля, чинили нам всякие препятствия, чтобы так или иначе помешать отправиться в Москву.

С большим трудом при помощи железнодорожных рабочих собрали мы поездной состав, но, когда дело дошло до паровоза, то найти его оказалось свыше наших сил. На наши требования железнодорожные власти неизменно отвечали нам, что все паровозы в разгоне и ни одного свободного паровоза в их распоряжении не имеется. Возмущенные до последней крайности, отправились мы с Ховриным и Железняковым к какому-то важному железнодорожному заправиле, кажется, начальнику движения. Рослые фигуры матросов, увешанные всякого рода оружием, с винтовками в руках, повидимому, произвели на него надлежащее впечатление. Он заметно струхнул, но все же в весьма мягких и ласковых выражениях заявил нам, что, к его глубокому сожалению, он никак не сможет предоставить нам паровоза по той простой причине, что таковото сейчас в его распоряжении не имеется. Такое заявление, конечно, ни в какой степени не могло нас успокоить.

— Довольно, наконец, дурака валять! —заревел Ховрин,—дадите вы нам, чорт возьми, паровоз, или нет?

И он с такой силой ударил винтовкой по полу, что последний затрещал.

У начальника движения затряслись коленки.

— Мы остаемся в вашем кабинете до тех пор, пока вы не дадите нам паровоз,—заявили мы,—а вы останетесь в качестве нашего заложника.

Начальник движения заволновался, заторопился, стал вызывать каких-то лиц, зазвонил по телефону, и в результате не более как через полчаса паровоз у нас появился. Таким образом, мы смогли начать свое путешествие.

Отряд свой мы построили следующим образом. Впереди поставили бронированные площадки Путиловского завода, потом головной ударный отряд моряков и, наконец, в хвосте двигались вагоны с нашими главными силами: красногвардейцами и 428-м Лодейнопольским полком. Я поместился вместе с так называемым «штабом» матросского отряда. По существу никакого правильно организованного штаба отряда не было. Просто около брата сгруппировалось ядро наиболее передовых и активных матросов, и это ядро, разместившись вместе в одном из предоставленных нам вагонов III класса, и называло себя «штабом».

В состав штаба, кроме меня, входил уже известный нам организатор отряда матрос Н. А. Ховрин, знаменитый матрос-анархист Анатолий Железняков, матросы Берг, Баранов, Колбин и целый ряд других товарищей матросов, фамилии которых поистерлись в моей памяти. В штаб входил и сухопутный офицер, прапорщик Незнамов, левый эсер, каким-то образом тоже приглашенный братом в отряд. Настроение в отряде было очень веселое и бодрое. Помню, Баранов почти всю дорогу пел и плясал. Остальные весьма охотно и дружно ему подтягивали. Некоторые осматривали и чистили винтовки, приготовляясь к предстоящим боям.

Веселое настроение нисколько, однако, не помешало нам серьезно и по-деловому организовать продвижение вперед нашего отряда. Мы с самого начала усвоили очень хорошее правило—контролировать работу телеграфа. На каждой станции мы просматривали все телеграммы, которые передавались по линии. Таким образом мы следили за тем, чтобы, с одной стороны, сообщение о нашем движении не было передано нашим врагам, а, с другой стороны, чтобы вовремя узнать о всяком скоплении войск впереди нас. Просмотром телеграмм обыкновенно занимались наши комиссары К. С. Еремеев и Вегер.

Как сейчас представляю себе картину. Поезд только что остановился. Еще никто из матросов и солдат не успел выскочить с чайником за кипятком, как по платформе несется взлохмаченная фигура Вегера в светлой офицерской шинели (он был, если не ошибаюсь, военный врач). Его борода и огромная шевелюра седых волос развевается по воздуху. Можно подумать, что это сам бог-саваоф, спустившийся на землю. Общую картину несколько портит маленькая офицерская фуражка, каким-то образом примостившаяся на этой большой голове. Стремительно несясь вперед и раздвигая прохожих, он спрашивает каждого встречного и поперечного: «Где здесь телеграф?» За ним поспевает плотная фигура, с неизменной трубкой, К. С. Еремеева, всегда такого медлительного, но здесь также неожиданно приобретшего необходимую эластичность.

Представительные фигуры наших комиссаров, а главное звон оружия, доносившийся из глубины наших вагонов, всегда делали свое дело. Начальники становились с ними любезными, все двери перед нами открывались, и все необходимые справки нам давались. Просмотрев телеграммы, мы обыкновенно не задерживались, и через пару минут двигались дальше, стремясь как можно скорее прибыть в Москву. Такой просмотр телеграмм скоро натолкнул нас на весьма важное открытие. На станции Любань из одной служебной телеграммы мы узнали о направлении от Новгорода к Чудову какого-то неизвестного нам бронированного поезда. Чтобы узнать, что это за поезд и куда он направляется, мы дали телеграмму

его начальнику с требованием остановиться в Чудове и ждать там нашего прибытия. Однако, приехав в Чудово, мы узнали, что поезд не только не остался нас ждать, но, получив нашу телеграмму и ничего нам не ответив, с большой поспешностью отправился в противоположную от нас сторону, а именно по направлению на Москву. Это ясно нам показало истинную физиономию этого поезда. Из расспросов мы поняли, что это тот самый поезд, который принимал активное участие в боях под Петроградом в отряде Краснова. Снарядом из этого поезда была убита наш товарищ Вера Слуцкая. Говорили, что в этом поезде, весьма возможно, скрывается бежавший из Гатчины глава Временного правительства Керенский.

Услышав такого рода сообщения, мы встрепенулись, как охотники, почуявшие дичь. Необходимо было во что бы то ни стало захватить этот поезд, тем более, что он направлялся в Москву и мог оказать совершенно нежелательную помощь нашим противникам. Мы сейчас же дали телеграмму в Окуловку и в Бологое с требованием всеми средствами задержать этот поезд, а сами, не теряя времени, устремились по его следам. Однако задержать этот поезд было не так-то легко. Он был великолепно вооружен, и жерла пушек устрашающе выглядывали из его бойниц. Нужно было иметь большую революционную смелость, чтобы попытаться помешать ему в его движении вперед. А что можно было ожидать от «викжелеобразных» железнодорожных чиновников? Естественно, что в Окуловке нам с большими извинениями сообщили, что никак не смогли задержать бронепоезда и он благополучно проследовал дальше. Мы были вне себя от негодования. Уже без всякой надежды послали мы вторую телеграмму в Бологое, а сами немедленно двинулись дальше, прося машиниста развить предельную скорость. Может-быть, случайно наш паровоз окажется быстроходнее, чем у них. С большим волнением и трепетом под'езжали мы к Бологому.

Было уже совсем темно, но при свете станционных фонарей мы сразу увидели, что столь нужного нам бронированного поезда на станции нет. Однако, из расспросов местных административных лиц и главным образом рабочих местных железнодорожных депо мы узнали, что поезд здесь удалось задержать и он лишь сравнительно недавно прорвался, свернув по направлению на Полоцк. Это придало нам бодрость, и мы немедленно двинулись вслед за поездом по Полоцкой ветке. В виду того, что неприятель был неподалеку, приходилось итти медленно и осторожно, с потушенными огнями. Было очень томительно. Время тянулось нестерпимо долго. В темноте очертания предметов терялись, и местность, по которой мы ехали, казалась какой-то странной и фантастической. Некоторые матросы, утомленные ожиданием и волнением, полегли спать, но большинство было на ногах и с нетерпением ожидало предстоящей встречи с врагом. На какой-то небольшой станции мы остановились. В темноте мы проследовали в тускло освещенное вокзальное помещение.

Здесь от местного административного персонала мы узнали любопытную новость. Бронированный поезд стоит всего лишь в какой-нибудь полуверсте от нас. Он не может продвинуться дальше, так как революционный гарнизон станции Куженкино разобрал перед ним железнодорожный путь. Таким образом, этот поезд фактически оказался в ловушке.

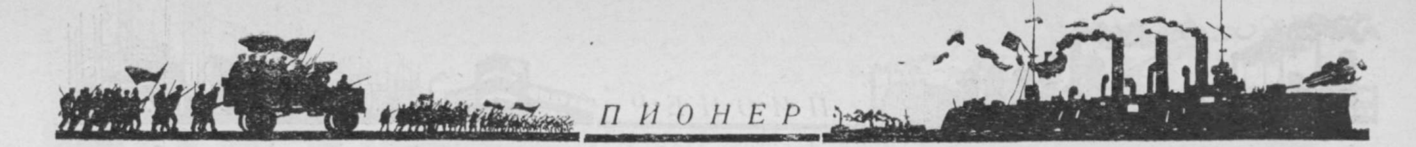
— Нельзя ли снестись по телеграфу с этим поездом или со станцией Куженкино?

— Увы! — отвечали железнодорожники, — спасаясь от вас, они оборвали все телеграфные провода.

Действительно, выйдя наружу, мы убедились, что телеграфные столбы стоят одиноко и сиротливо, лишенные своей обычной проволочной сети. Мы устроили небольшое военное совещание. Было решено, что главный отряд, во главе с Потаповым, Вегером и Еремеевым, будет находиться в резерве, а матросский отряд направится первым, войдет в соприкосновение с неприятелем и предложит ему сдаться.

Решив таким образом, мы влезли опять в наши вагоны и также медленно стали подвигаться дальше. Брат перешел на самую головную бронированную площадку, чтобы в случае столкновения руководить артиллерийским огнем а я и Ховрин остались в качестве начальствующих лиц при отряде. Время тянется томительно медленно. Наконец, стоп. Куда-то приехали. Вылезаем из вагонов. Перед самым носом стоят наши бронированные площадки, а дальше темно и ничего не видно. В чем дело? Об'ясняют, что броневой поезд стоит неподалеку. Наши пытаются войти с ним в переговоры, но что из этого выйдет — сказать трудно. Во

Звон оружия делал свое дело

всяком случае, можно каждую минуту ожидать нападения с их стороны. Брата нигде не видно. Мы с Ховриным решаем, что стоять и чего-то ждать у вагонов нам нечего. Нужно подойти с матросами ближе к броневику и посмотреть, что там делается. Может быть, можно даже захватить его неожиданным штурмом.

Зарядив винтовки, наш отряд начинает медленно продвигаться вперед. Постепенно глаза привыкают к темноте. Я начинаю различать местность. Полотно проходит по небольшой поляне, окруженной со всех сторон густым лесом. В лесу ясно слышится стук топора. Может быть, это белогвардейцы готовят пулеметные установки? Я оглядываюсь на наш отряд. На что мы похожи! Матросы не умеют вести сухопутной войны, а сейчас они как-будто и вообще не чувствуют боевой обстановки. Идут по самому полотну кучами, курят, разговаривают. Я обращаю на это внимание товарища Ховрина.

— Так невозможно!—говорю я.—Мы идем совсем на виду. Стоит заработать пулемету, и от нас ничего не останется. Мы можем погубить весь отряд.

Ховрин со мной соглашается.

— Знаете что, т. Женевский?—говорит он.—Вы—боевой офицер. Примите командование отрядом.

— Хорошо.

— Товарищи!—обращается Ховрин к матросам, которые следуют за нами,—сейчас вами будет командовать т. Женевский. Он боевой офицер и знает, как воевать.

Матросы останавливаются и смотрят на меня, ожидая, что я скажу. Я немедленно перехожу на язык военной команды.

— Товарищи!—кричу я,—слушай мою команду. Прекратить разговоры и курение. Вправо и влево от полотна по линии в цепь!

Однако, о ужас! Матросы растеренно стоят на месте. Они не знают, что такое рассыпаться в цепь. Вот тебе и армия! Вот тебе и война! Я кое-как об'ясняю матросам сущность рассыпного строя, и они нехотя сворачивают с полотна направо и налево, теряясь в мелких кустарниках. Я вздыхаю свободно. Теперь по крайней мере мы не представляем собою такую великолепную мишень для неприятеля. Так мы проходим еще несколько шагов. Однако, я вижу, что некоторые матросы опять сворачивают с поляны на полотно.

— Куда же это вы?—полушопотом кричу я им.

— Да там мокро, мы уж лучше здесь пойдем.

Я вскипаю:

— Я убедительно прошу вас, товарищи, итти там, где вам показано. Или мы воюем, или мы дурака валяем. Итти всей кучей по полотну мы никоим образом не можем.

Матросы ворча сворачивают опять в кусты. «Трудно воевать при таких условиях,—думаю я.— Парни они несомненно хорошие и храбрые, но ни дисциплины ни элементарного знания военного дела у них нет. Вот и воюй при таких условиях».

Сзади себя слышу какое-то волнение. Я оборачиваюсь. Группа матросов бежит ко мне и, захлебываясь от радости, кричат:

— Сдался! Броневик сдался!

Тут уж никакая сила не может удержать матросов в кустах. С радостными криками несутся они со всех сторон на полотно, и скоро мы веселой гурьбой возвращаемся обратно к нашим эшелонам. Всякая дисциплина окончательно идет на смарку.

В «штабе» я узнаю все последние новости. Оказывается, белогвардейцы откуда-то взяли, что матросов—5.000 человек, и, считая, что всякое сопротивление бесполезно, сдались. Между тем нас было едва ли более семисот человек. Позднее, когда мы увидели прекрасное вооружение поезда и его мощную броню, мы порадовались, что дело закончилось так безболезненно. Не знаю даже прямо, как бы мы взяли его. Наши легкие броневые площадки с воздухобойными пушками, конечно, сразу же разлетелись бы вдребезги от действия мощной артиллерии бронепоезда. От действия же нашего огня его прекрасно защищала толстая, почти непроницаемая броня. Что в этом деле

Вправо и влево от полотна по линии в цепь!

сыграло решающую роль, так это наша предприимчивость и энергия. Мы так настойчиво преследовали бронепоезд, что нагнали страху на его команду. А моральное воздействие на противника всегда и во всех войнах играет первенствующую роль.

От радости, что бронепоезд сдался, все матросы, находившиеся в «штабе», были в восторженно-приподнятом настроении духа. Все двигались, шумели, кричали. Вдруг совершенно неожиданно раздался выстрел, и брат упал на скамейку. Я вскочил на ноги. Все замерли.

— Измена! Предательство! — проносилась мысль в моей голове. — Нас окружили!

— Ты чего стреляешь?—послышались возгласы.

— Да я нечаянно,—растерянно отвечал матрос, видимо сам ошеломленный происшедшим.

— Дурак! Нечаянно! Ты Раскольникова убил!

— Мы бросились к брату, но он упал нарочно, думая, что в него стреляют из окна. Пуля, к счастью, никого не задела. Это был первый случай неосторожного обращения матросов с огнестрельным оружием, а сколько таких случаев было потом. И сколько было, благодаря этому, случайных, нелепых жертв.

В броневике оказались большие запасы всякого рода оружия. Матросы на радостях стали вооружаться, кто чем попало. У каждого помимо винтовки оказалось по револьверу, к поясам почти все прикрепили по японскому штыку, многие набили себе полные карманы ручных гранат. Это было чрезвычайно опасно, так как большинство не умело обращаться со вновь приобретенным оружием. Скоро некоторые наши вагоны стали походить больше на склад оружия, чем на воинский эшелон.

В числе других предметов вооружения матросы нашли великолепную кавказскую шашку с серебряной рукояткой в виде лошадиной головы и резными серебряными украшениями на ножнах. Эта шашка едва не послужила яблоком раздора между матросами. Тогда кто-то внес предложение подарить эту шашку от имени всех матросов товарищу Раскольникову, и это предложение примирило всех и утихомирило разбушевавшиеся страсти. Брат был весьма польщен таким выражением внимания со стороны матросов и тут же надел эту шашку поверх своего черного морского пальто. С этих пор он за все время своего пребывания в отряде уже не снимал ее. Это, конечно, противоречило установленной форме и со стороны выглядело довольно странно, но зато придавало всей его фигуре какой-то особенный революционно-партизанский отпечаток.

Наконец, к нам в «штаб» привели первых военнопленных. Их было очень немного. Всего лишь два офицера. Остальной командный состав, в том числе командир бронепоезда, как мы узнали, спороли себе погоны и удрали в лес, опасаясь расправы. Они думали этим выиграть, но на самом деле только проиграли. Окрестные крестьяне и солдаты куженкинского гарнизона большинство из них переловили и расправились с ними самосудом. Между тем сдавшиеся нам в плен офицеры сохранили свою жизнь.

Для допроса военнопленных к нам в вагон пришли Потапов, Еремеев и Вегер. Пленные держали себя

Броневик сдался

очень просто и с готовностью отвечали на все наши вопросы. Они признали свое участие в бою под Петроградом. По их заявлению, они были направлены туда Керенским, который уверил их, что в Петрограде «взбунтовалась чернь». Вначале они поверили этому утверждению и, действительно, на подступах к Петрограду собственными глазами видели цепи маленьких черных фигурок. Однако, когда вслед за этими фигурками они увидели серые солдатские шинели, они поняли, что это междоусобная война, и отступили от Петрограда. Керенского, по их словам, в бронепоезде не было.

Не утруждая пленных дальнейшими допросами, мы направили их под конвоем в Петроград в Смольный, а сами решили продолжать свой путь на Москву.

В Бологом местные железнодорожные рабочие с интересом ждали нашего возвращения и, узнав о нашем успехе, от души поздравили нас. Веселые и бодрые мы направились дальше.

ЧТО Я ЗНАЮ О ЖАНДАРМЕ И ЦАРЕ

Тяжелой мрачной тучей висели над Россией царь и его верные слуги—жандармы. Революция разгромила эту тучу, прогнала ее с горизонта СССР... Быстро мчатся вдаль годы... Многое из старого, плохое, забывается. . „Пионер" провел анкету среди ребят, чтобы узнать, что они знают о царе и жандармах. Кое-что из этих ответов помещены на этих страницах.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ЦАРЕ

Царь был очень богатым человеком. Эксплоатировал всю землю сам, все держал в своих руках. Я представляю себе его так. Он сидит на диване. Хорошо одет, в золотом платье. Около него стоят чиновники. Он дает приказания. Ему не зачем трудиться. Он хорошо жил только для себя, заботился о своих ребятах и о жене. Никакой программы у него не было. Как захочет, так и приказывает.

СЕДОЙ ДЕДУШКА

Когда мне было лет 6—7, я представляла себе царя таким. Седой, преседой дедушка. Сидит он все время в большом мягком кресле—троне. Сам он ничего не делает, а только приказывает, и что бы он ни захотел, все будет сделано. Такое представление я вынесла из сказок. Когда же я стала больше, стала читать более серьезные книги, то царь представился мне совершенно в другом свете. Он уже перестал быть дедушкой, а представлялся человеком, который дорожит троном, который, боясь потерять титул царя, подчиняется помещикам и в угоду им угнетает крестьян и рабочих.

Жандарма я представляю себе жирным, толстомордым человеком с усами, заходящими почти за уши. Этот человек исполнял обязанность теперешнего милиционера, но был жесток и груб со всеми арестованными.

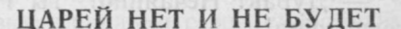
Нина Билин (14 лет)

РАЗГИЛЬДЯЙ И ПЬЯНИЦА

Жандарм—это такой человек. Может быть, он был некогда рабочим или крестьянином, но после взят на работу, и стал чуть ли не зверем, который, ничего не соображая, убивает своих же товарищей и братьев.

Царь—это большой разгильдяй и пьяница, в своей жизни ничего не делавший. Он даже так беспомощен, что сам не может управлять своей страной. За него управляют его вельможи (или, может быть, я ошиблась, потому что не знаю царских чинов). Раньше писали, что он добрый, но если он добрый, то почему он 9 января расстрелял, как говорят, свой народ?

Ильинская (13 лет)

ЦАРЕЙ НЕТ И НЕ БУДЕТ

О царе я слыхала очень мало и то из сказок. Жили они богато и роскошно, ходили в золоте и серебре. В одних сказках цари были жестокие, вешали и убивали невинных. В других сказках они были добрыми и хорошими. Эти сказки читала я, когда мне было лет 8—9, а теперь я не интересуюсь этим, так как я знаю, что царей нет и не будет

О жандармах я ничего не слышала и ни у кого не спрашивала о них.

Таля Охотская (13 лет)

ЦАРЬ ДЛЯ ВИДА

Раньше царь правил Россией и все управление ею принадлежало, якобы, ему. На самом же деле Россией правили крупные фабриканты и помещики, и он исполнял их волю и был как бы для вида.

Рево (12 лет)

Скульптура И. Жукова

Каринатура на царя школьника Бори Афинского

Жандарм и рабочий, рисунок школьника Анфилова

ГЛУПЫЙ И СЛАБОВОЛЬНЫЙ

О царе я слышал, что он был очень глупый и слабовольный. Когда что-нибудь случалось, он всегда отдавал власть министрам. Из этого я вывожу, что он был слабоволен. Глуп он потому, что вступил в войну. Потерял много средств, солдат (которых ему не так жалко), а главное, что население стало возмущаться и сделало революцию. Еще он продал Аляску (на которой американцы нашли золото, серебро) за 7.200.000 руб.

Жандармы – это прислужники царя. Они занимались подавлением бунтов, забастовок. Потом они еще занимались ловлей революционеров, которых они пытали и убивали. Некоторых они за деньги звали к себе служить; звали их в провокаторы.

В. Билинский (13 лет)

ЦАРЬ И ДВОРЯНЕ

Вступали на престол или делались царями только люди из царской фамилии. Если вступавшему на престол было еще мало лет, то к нему приставляли опекуна, который от имени царя правил государством. При царе дворяне обладали большой силой. Всеми войсками командовали знатные дворяне, и морской флот также был под их командованием. Поэтому, если дворянам не нравился какой-либо царь, они с оружием в руках входили во дворец и заставляли царя отказаться от престола и ставили на его место своего царя.

Шуленков (15 лет)

ЦАРЬ ТРУСЛИВ

О царе я слышал, что он жил в роскошном дворце со множеством богато убранных комнат. Кроме этого, я читал, что царь был очень своеволен и труслив. Он страшно боялся революционеров и выезжал из дворца только в сопровождении большой стражи и шпионов. Пойманных революционеров он жестоко наказывал.

О жандармах я читал, что они были очень жестоки, деятельно боролись с революционерами, причем применяли самые гнусные меры — пойманного революционера всячески мучили, сажали в тюрьмы, ссылали в Сибирь. Старались подкупить какого-нибудь революционера, сделать из него провокатора. Рабочие и крестьяне ненавидели жандармов за их жестокость и грубость, а министры, царь и буржуазия платили им большие деньги за поимку революционеров и подавление восстания.

Сергей Сосин (13 лет)

КАК БЫ КРЕСТЬЯНЕ НЕ ПОДНЯЛИ ВОССТАНИЕ

Судя по рассказам, мы царей представляем важными, управляющими всем народом. Рассказывают, что некоторые цари были очень жестокими и хитрыми, например, царь освободитель. Освободил крестьян он только потому, что боялся, чтобы сами крестьяне не подняли восстание. Были цари и умные, как Петр Великий. Жандармы были царские подчиненные, которые делали все только по приказаниям. Сами не понимали того, что делают, шли сами против своих же рабочих и крестьян.

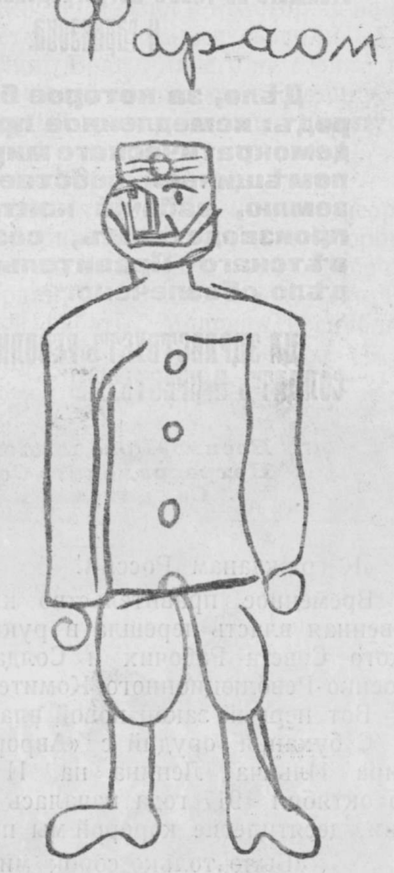

Рисунок школьника Сосина

ВЫСТАВКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ

Десять лет тому назад грянул первый выстрел крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу. Читателям «Пионера» в то время было уж никак не больше трех-четырех лет и помнить они этого никак не могут. К десятилетию Октября нужно хорошо знать его историю, хорошо знать весь путь нашей революции от баррикад на улицах Петрограда, через гражданскую войну к победе и строительству социализма.

Музей Революции в Москве устроил особую выставку по Октябрьской революции. На этой выставке собрано все, что касается Октября 1917 г., гражданской войны и строительства.

Мало кто из ребят сможет побывать на этой интересной выставке. Поэтому Редакция решила дать эту выставку в журнале. Конечно не всю. В музее она занимает несколько больших комнат. Мы располагаем здесь материал в таком порядке, чтобы ребята могли проследить за историей борьбы и строительства на трех разворотах (разворот — это две страницы журнала).

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

КЪ ГРАЖДАНАМЪ РОССІИ!

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!

Военно-Революціонный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов— Военно-Революционного Комитета»...

Вот первый закон новой власти.

С буханья орудий с «Авроры», с речи Владимира Ильича Ленина на II С'езде Советов, с 25 октября 1917 года началась новая полоса истории, десятилетие коророй мы празднуем теперь.

«Было только сорок минут девятого, когда гром аплодисментов возвестил появление президиума с Лениным—великим Лениным—среди членов его».

Так описывает появление Ильича на трибуне с'езда наблюдательный свидетель «Десяти дней, которые потрясли мир»—Джон Рид, американский революционер.

«Крепко держась за края пюпитра и своими небольшими глазами осматривая толпу, он стоял здесь в ожидании, не обращая, очевидно, внимания на непрекращающуюся овацию, длившуюся много минут. Когда овация закончилась, он просто сказал:

— Мы теперь приступаем к строительству социалистического порядка».

Эти слова были сказаны в то время, когда на улицах Петрограда шел еще бой, когда беззаветно храбрые матросы, стойкие питерские пролетарии и измученные трехлетним сиденьем в окопах солдаты штурмом брали Зимний дворец.

На фотографиях вы увидите следы великих событий. На этой странице — первая листовка новой власти. На странице рядом фотографии революционных матросов во дворе Смольного и контр-революционеров, расположившихся в Зимнем дворце.

Внизу солдаты. На их папахах еще видны значки царской армии, но винтовки и пулеметы направлены не против немецких солдат, а против собственных капиталистов и помещиков. На фронте идет во-всю братанье с немецкими солдатами. Солдаты хлопают друг друга по плечу и об'ясняются знаками.

Царь заставлял их уничтожать друг друга от 1914 до 1917 года. Капиталисты сейчас призывают их продолжать войну «до победного конца». Но солдаты уже не та серая скотинка, которой раздавало оплеухи наглое офицерье.

Вглядитесь в фотографию направо внизу. Можно легко различить серые фигуры в папахах, бегущие с ружьем наперевес. Это восставшие солдаты и матросы штурмом берут одну из твердынь контр-революции—Зимний дворец.

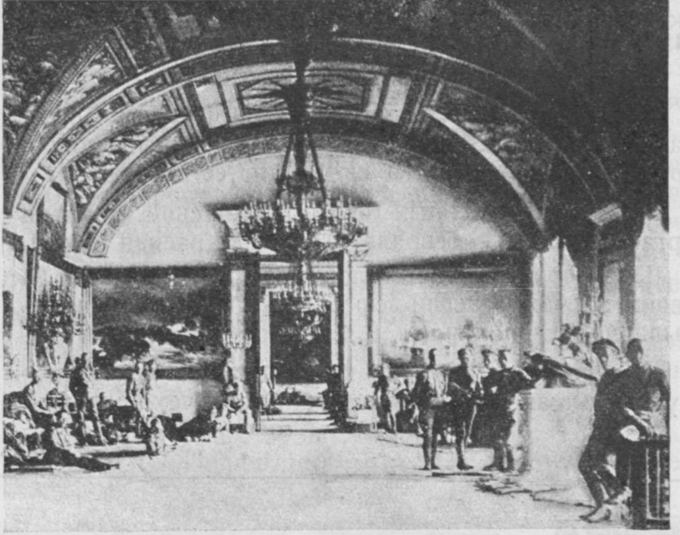
Власть в руках Петроградского Совета. Юнкера обезоружены. Но сделано еще далеко не все.

Вот что пишет один из активных участников Октября тов. Подвойский в своих воспоминаниях.

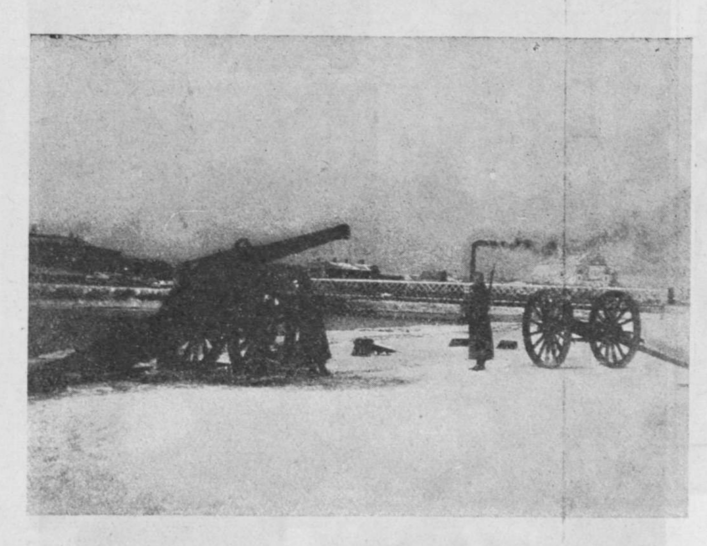
НА СТРАНИЦАХ „ПИОНЕРА“

Матросы во дворе Смольного

Юнкера в одной из зал Зимнего дворца

В Москве. Красногвардейская пушка у Крымского моста

«Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье и отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования сводили на-нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности ворваться в столицу.

В этот тяжелый момент на сцену выступил тов. Ленин».

Он организовывал и собирал все силы.

Ему удалось соединить разобщенные и неорганизованные части, мобилизовать все для обороны. Революционная столица осталась в руках рабочих.

Но Красной гвардии, отстоявшей город, не пришлось закончить своей работы. Молодая республика очутилась в кольце врагов.

Революционные солдаты в Петрограде

Штурм Зимнего дворца

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Гражданская война

Расспросите ваших отцов и братьев. Пусть расскажут о гражданской войне, если они видели ее и участвовали в ней. Пригласите их в свой отряд, в школу. Пусть расскажут всем ребятам.

Мало кто из нынешних красноармейцев участвовал в гражданской войне. О наших читателях и говорить нечего. Они и не помнят ее.

Из многочисленных отрядов Красной гвардии организовалась в феврале 1918 года Красная армия.

Плохо одетые, полуголодные красноармейцы на своих плечах вынесли всю тяжесть войны, а тяжесть была не маленькая.

С востока в мае 1918 г. на нас выступили подкупленные англичанами и французами чехо-словаки.

Буденновцы у Перекопа

Матросы под Уфой

В. И. Ленин провожает уходящих на фронт красноармейцев

В августе организовались белогвардейцы на севере. Англичане и здесь оказались не на последнем месте. В надежде сломить советы, англичане привозят на пароходе свои войска в помощь белым.

На Дону восстают казаки, в Туркестане басмачи. Украину занимают тяжелые колонны германских войск. Под их покровительством расцветают украинская контр-революция гетмана Скоропадского.

С чехо-словаками выступил адмирал Колчак. Республика в опасности. Красная армия яростно отбивается, босая и голодная, одерживает победы. Подступившего к Волге Колчака отгоняют далеко за Урал.

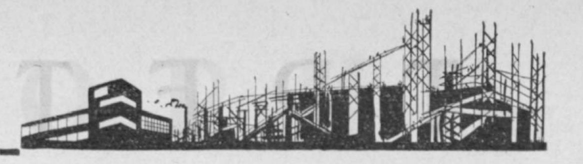
Армия генерала Юденича наступает на Петроград. В сердце Советской страны белогвардейцы устраивают заговоры за заговорами. Эсерка Каплан подлым выстрелом ранит В. И. Ленина. Республика голодает.

Но обнаглевший Юденич получает бешеный отпор от ленинградских рабочих, грудью отстоявших столицу.

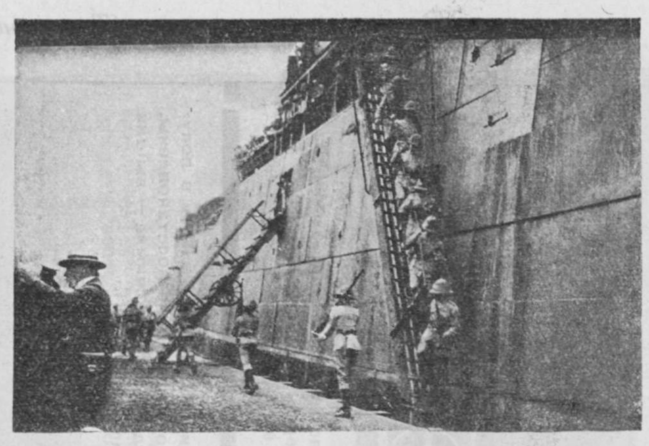

Завод б. Михельсон. Здесь ранила Ильича эсерка Каплан

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Англичане помогают белогвардейцам бороться с Советами. Английские войска высаживаются в Архангельске

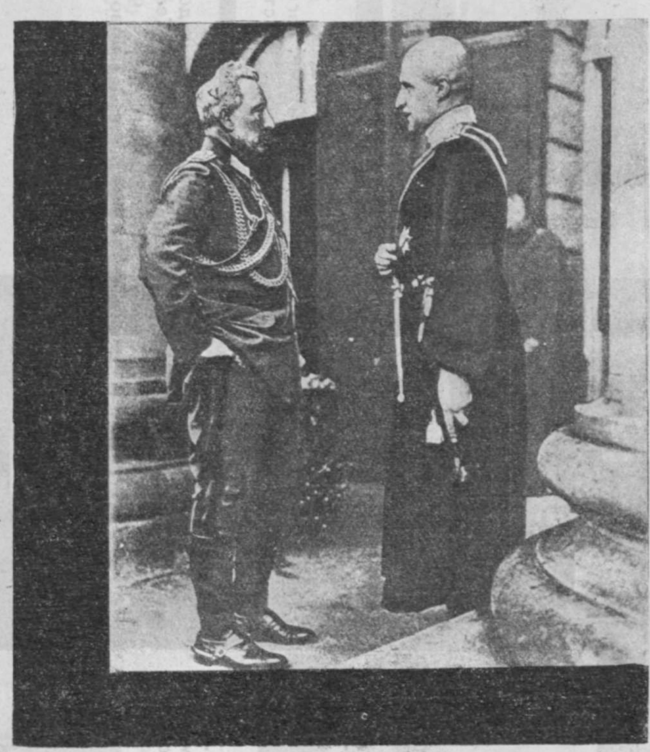
С юга подступает добровольческая армия генерала Деникина. Белые взяли Орел, близятся к Туле, недалеко Москва. В тылу у белых трезвонят во все колокола, прославляя победы белых.

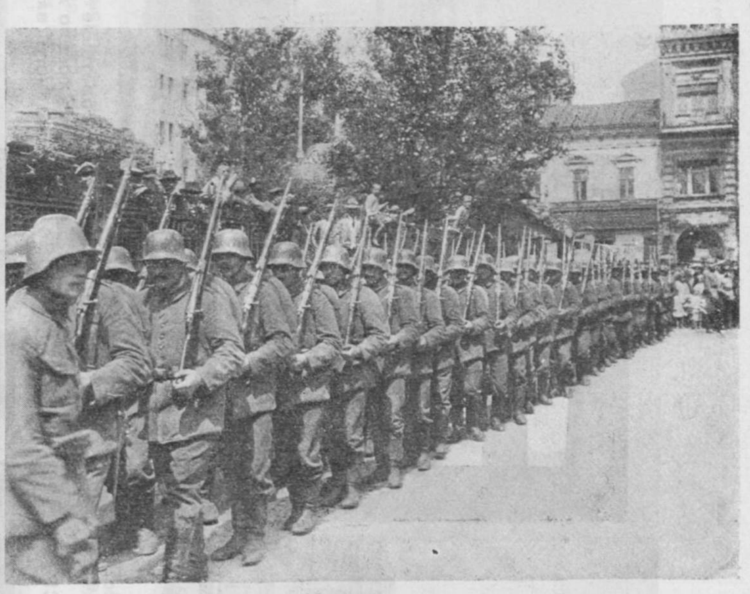
Страшным напряжением сил, нечеловеческой стойкостью, мобилизовав всех коммунистов и революционных рабочих, Рабоче-Крестьянская Красная армия отбрасывает белых.

Не успели очистить север от белых, как в начале 1920 года начинается война с белой Польшей, а в июне ведет наступление на север загнанный в Крым генерал Врангель.

Республика опять в тисках. Много комсомольцев могли бы вам рассказать, как ходили они 16-летними ребятами на фронт добровольцами, как приходилось драться с озверелыми офицерскими полками генерала Врангеля.

В октябре советы заключают мир с Польшей. Все силы направлены на Врангеля. Он стремительно отступает. В течение трех недель, делая пятидесятиверстные переходы, гонят и не могут догнать красные войска отступающего противника.

Гетман Скоропадский у германского импер. Вильгельма

Немецкие войска вступают в Киев

Врангель загнан в Крым. Начинается штурм укрепленных позиций Перекопа—ворот Крыма.

Тов. Фрунзе непосредственно руководит боем. Конница Буденного, курсанты и 51 дивизия, потеряв тысячи убитых в последнем бою, занимают Крым. Гражданскую войну можно считать почти оконченной.

Республика Советов победила. Она победила сильнейшего врага, который окружил ее со всех сторон, которому помогали деньгами, оружием и войском все буржуазные государства.

Республика победила потому, что раздетыми, разутыми красноармейцами двигала революционная сознательность, революционный дух и небывалый энтузиазм.

Республика победила.

Долой империалистическую войну! Стихийная демобилизация, солдаты не хотят воевать за интересы капиталистов

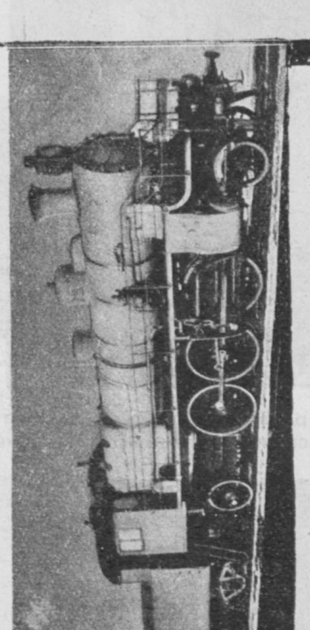
ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ ВЫСТАВКИ

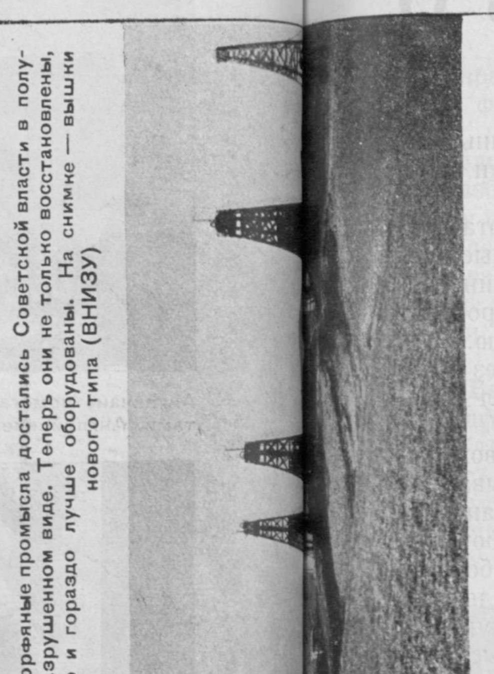
(Текст на следующей странице)

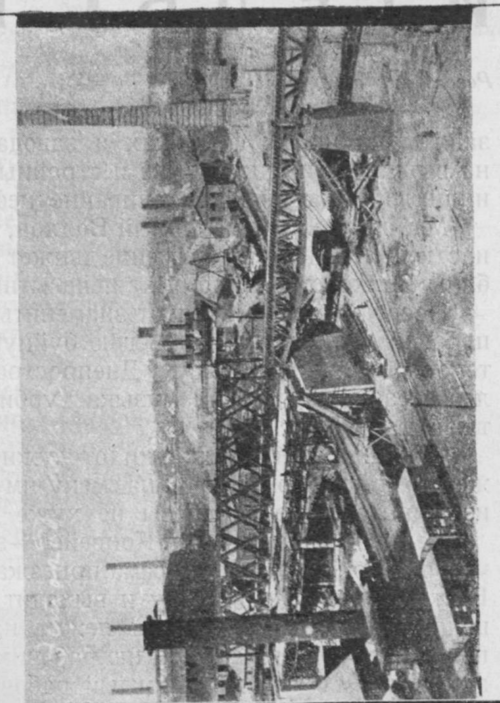
Советские инженеры и техники улучшают то, что было построено до революции. На фотографии новый тип трамвайного вагона, более вместительный и совершенный технически

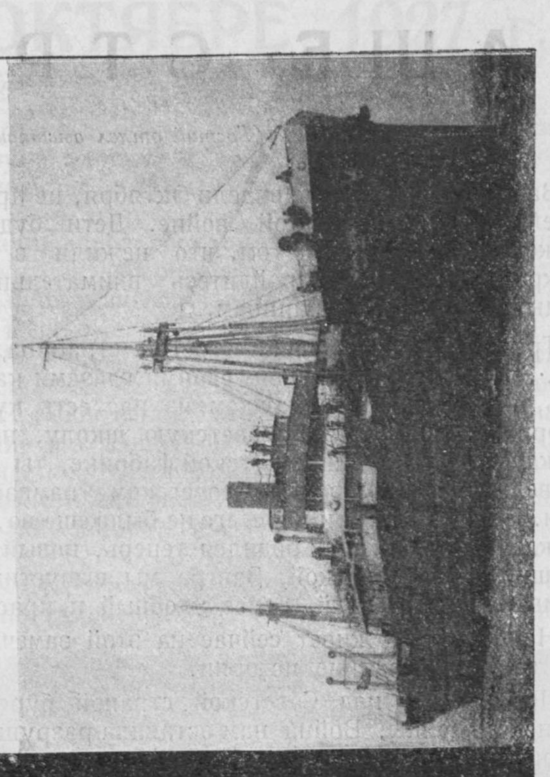
Старые маломощные паровозы начинают заменяться новыми гигантами, легко берущими более тяжелые составы вагонов

Торфяные промысла достались Советской власти в полуразрушенном виде. Теперь они не только восстановлены, но и гораздо лучше оборудованы. На снимке — вышки нового типа (ВНИЗУ)

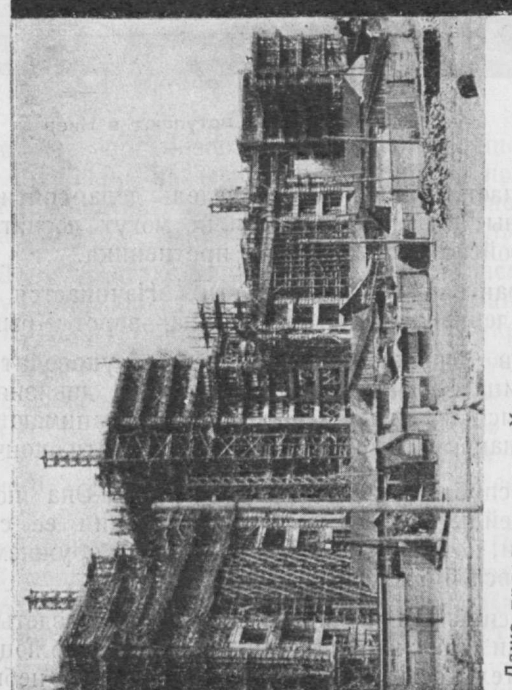

Вид сталинского заводского центра в Донбассе. Донбассу предстоит громадная будущность. Это—черная страна угля и химической промышленности (ВНИЗУ)

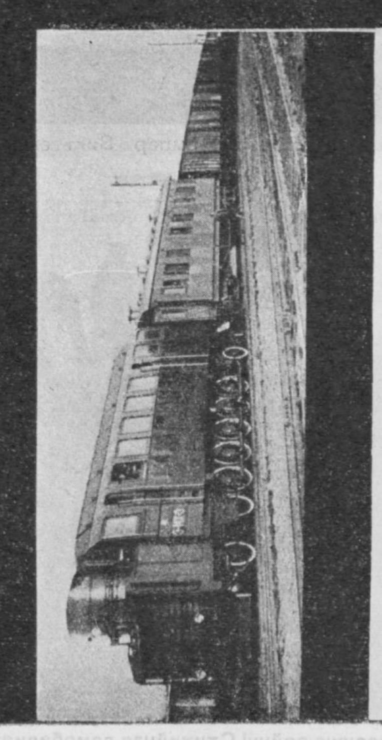

Один из новых лесовозов, целиком построенных на советских заводах и из советских материалов. Лесовозы эти признаны иностранцами одними из лучших судов мира (ВНИЗУ)

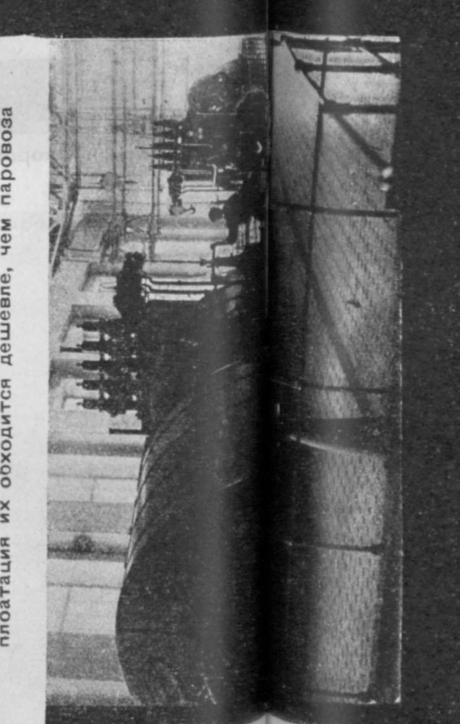
НАШЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

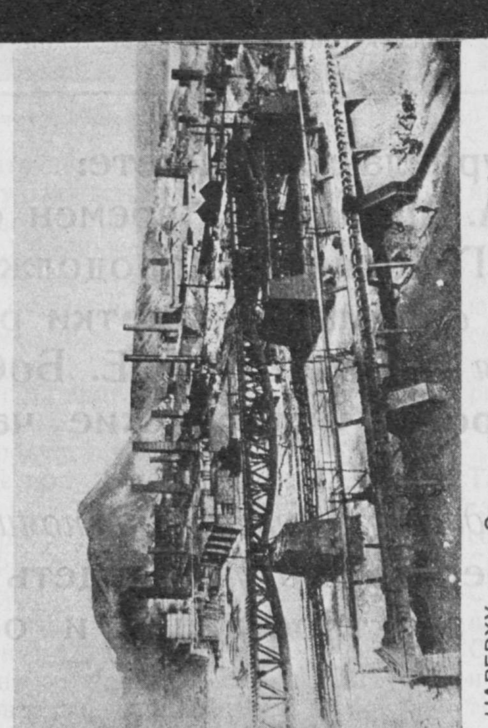

Даже проезжая мимо Харькова, вы сразу заметите громадные строящиеся корпуса. Это—«Дом промышленности». Как только он будет закончен постройкой, в него переедут все управления промышленностью УССР

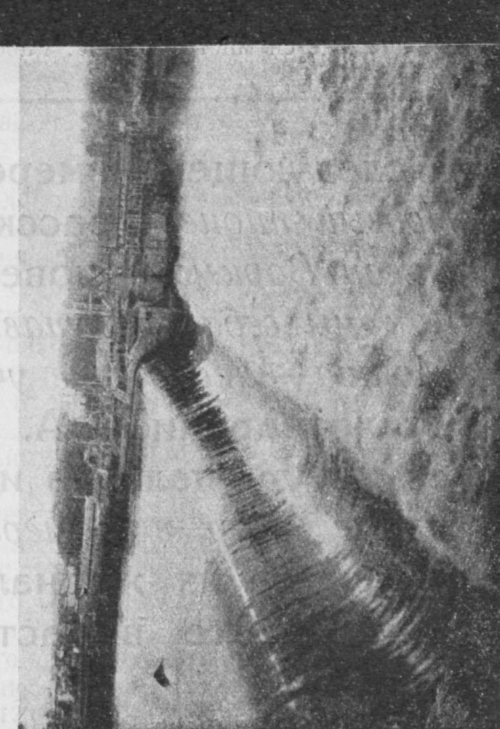

Это—октябренок паровозостроения, электровоз. Электровозы не требуют ни угля, ни воды, и поэтому эксплоатация их обходится дешевле, чем паровоза

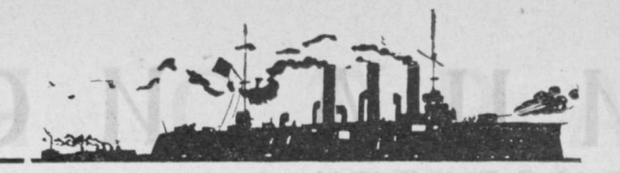

Машинный зал Волховстроя—его сердце, которое гонит по проводам электрический ток, питающий ленинградскую промышленность

НАВЕРХУ—вид Сталинского заводского центра. ВНИЗУ—грандиозная плотина Волховстроя, через которую, с грозным гулом переливаются миллионы пудов воды, покоренные человеком

НАШЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

(Третий отдел выставки Музея Революции в журнале „Пионер"

Вам жаль, что вы не видели Октября, не дрались с белыми в гражданской войне. Дети будущего также будут жалеть о том, что нежили в наше прекрасное время. Пройдитесь внимательно по предыдущим двум страницам.

Третий отдел выставки—третья страница истории. Эту историю мы видим своими глазами каждый день, каждый час. В каждом из нас есть кусочек истории. Ты ходишь в советскую школу, носишь одежду, сделанную на советской фабрике, ты едешь на великолепном двойном советском трамвае, без дуги. Его не было при царе, его не было еще во время гражданской войны, он родился теперь, новый, сверкающий яркой краской. Завтра мы выпустим еще трамвай, еще лучший, более удобный и красивый.

Наша страна живет сейчас на этой замечательной третьей странице истории.

Просвистела над Советской страной буря гражданской войны. Война нам оставила разрушенные фабрики, развороченные шахты, еле дышащие паровозы. Вы спросите у отцов и матерей, как им приходилось вылезать из теплушек и проталкивать простуженный паровоз на под'ем. Неделями ехали от Москвы до Ленинграда. Теперь наша страна под руководством коммунистической партии, восстановила все хозяйство, как оно было до войны. Теперь мы шагаем вперед и вперед.

Мало того, что мы восстановили как было до войны. Во многих местах мы сделали лучше, чем было. В Донбассе мы восстановили шахты и оборудовали их врубовыми машинами по американскому способу, и теперь в этих шахтах много меньше рабочих, а угля добывается много больше. Рабочие же заняты на новых фабриках и заводах. Гляньте-ка на вышки. Эти аккуратные и стройные вышки заменили дорогостоящее выкачивание нефти.

Мы оседлали непокорный Волхов, он работает на нас, и его беспокойное течение движет огромные турбины Волховстроя и кормит ненасытный Ленинград.

Последние годы бушуют знаменитые Днепровские пороги, они доигрывают свою буйную песню. Уж теперь ее заглушает шум Днепростроя, через пару лет ее заменит мерная музыка турбин и гул работающих фабрик.

Старенькие паровозишки отслуживают свою тяжелую и долгую службу, на смену им выкатываются из депо мощные паровозы не хуже американских.

Мы строим конвейеры. Конвейер—это остроумное устройство, когда работа сама приезжает к рабочему. Едет от одного к другому и выходит от последнего целой вещью. Кусок кожи лежит на движущемся полотне и пройдя через сотню рабочих рук выезжает аккуратным ботинком. Каждый рабочий делает одну маленькую часть работы. Это сберегает силы и дает хорошее качество.

Пройдитесь внимательно по двум страницам. Если вы в Москве—то зайдите в Музей Революции. Если не можете зайти, то посмотрите вокруг себя, на свою работу, на работу товарищей, везде вы увидите частицу громадной стройки, которую мы попытались отразить на этих страницах.

Прошло десять лет борьбы и работы. Поднимаются гордые многоэтажные вершины домов, увеличивается площадь пройденных трактором полей Но много еще вокруг нас неустроенного. Новыми машинами, упорной работой мы прокладываем дорогу к социализму в Советской стране.

В следующем номере журнала вы найдете:

Первый пионер—**рассказ А. Аросева из времен октября;**

Джон Воркман—**повесть Г. Долигник (продолжение);**

Как мы себе представляем социализм—**заметки ребят;**

Мопша—школа, где учатся мопсы—**очерк Е. Бобинской;**

Стихотворение — А. Жарова. Октябрьские частушки, фискультура пальцев и др.

Кроме того в номере будет помещено настоящее кино. **Вырезав его из журнала ребята могут увидеть как на пустом болоте вырастает электростанция и освещает деревню.**

ОКТЯБРЬ 1917 г.—В ОКТЯБРЕ 1927 г.

(Кино - картина „Октябрь")

Февраль 1917 г.—царизм свергнут. Грузная, давящая фигура памятника царю Александру III начинает кивать головой. Все ниже, ниже и, наконец, голова скатывается с плеч и повисает на блоках. Это разбирают пугающего чугунного болвана—он никому теперь не нужен. Для с'емки этого памятника пришлось его вновь построить. Отыскали в каких-то подвалах многопудовые остатки его. Но не собирать же его обратно—дорого стоить будет. И поэтому решили построить фальшивый памятник—из папье-маше.

— Всем, всем, всем... передавалось по почте, телеграфу, радио,—Свобода, но для кого? Только не для тех, кто сверг царя. Для них все по-старому: работать, сражаться, напрягать мускулы. Свобода для других, для богатых.

Голодные очереди... Когда искали для этих очередей худых людей, ассистенты с ног сбились—не могли найти достаточного количества худых. Еще хуже было дело с худыми детьми. Рыскали, как Шерлок Холмсы, по всему Ленинграду: по детдомам, отрядам, улицам... Худых ребят, правда, было достаточно, но выражение лиц у них не подходило: веселое, радостное. А нужны были детские лица изнеможденные голодом, измученные...

Лезгинка «дикой дивизии»

На фронте братание... Добродушные, бородатые дяди, похожие друг на друга, как два номера «Пионера», только в разных шапках, жмут друг другу руки, меняются продуктами...

Всюду такой же мрак, как и при царе. Но уже что-то зашевелилось, движется, поднимает свой голос. Вот мрак прорезается ярким, слепящим светом прожекторов; у Финляндского вокзала вырастает на броневике фигура Ленина, приехавшего из-за границы.

Тщетно Временное правительство капиталистов пробует удержать народ и армию в подчинении. Напрасно «главноуговаривающий» Керенский принимает красивые позы, красиво говорит и красиво жмет руки царским лакеям... Вз'яренная буржуазия прибегает к другим средствам; место речей занимает штык и пуля. Вот расстрел безоружных демонстраций в июле, вот топят в Неве пачки «Правды», вот лежит на набережной убитый рабочий-большевик, в буржуазных кварталах рабочим агитаторам плюют в лицо...

Наиболее умные из генералов и капиталистов понимали—им не удержаться, сила большевиков крепнет. Решительный генерал Корнилов поднимает восстание и с «дикой дивизией» (из туземцев Кавказа) идет на Ленинград.

Рядом с Временным правительством выросло второе правительство, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Весь петроградский гарнизон, все заводы и фабрики послали своих представителей в этот Совет.

Вместо убийства друг друга—братаются

Ни одно распоряжение Временного правительства не выполнялось без разрешения представителей Совета. Совет послал своих агитаторов навстречу «дикой дивизии». Пламенные речи быстро нашли доступ к сердцу и голове туземцев... Они отказываются итти на Ленинград. И тут же организуется смычка—питерские агитаторы пляшут трепака, а туземцы лезгинку. А потом все выстраиваются вперемежку и снимаются. Затея Корнилова провалилась...

Смольный—сердце, мозг и воля революции... Там, где раньше были институтки, дети дворян, там—пулеметы, караулы, вооруженные рабочие и солдаты, заседания... Для того, чтобы восстановить Смольный 1917 г., понадобилось много усилий. С'емка его производилась в мае, а надо было сделать Октябрь. И вот из Таврического сада во двор Смольного привозят 12 возов опавших сухих листьев и поливают их из пожарного насоса. Сырой Октябрь 1917 г. готов. Из клубов доставляются возы

папиросных окурков, которые собирались там в течение нескольких дней, и ими густо посыпаются коридоры, лестницы и комнаты Смольного. Мало этого, пришлось временно снять памятник Марксу и заменить на фронтоне Смольного серп и молот двуглавым орлом...

После июльских демонстраций раздражение среди рабочих и солдат наростало, как снежная лавина. Рабочие стали заменять меньшевиков и эсеров в Совете большевиками. Требования рабочих, чтобы Совет взял власть в свои руки, становились все громче и настойчивей.

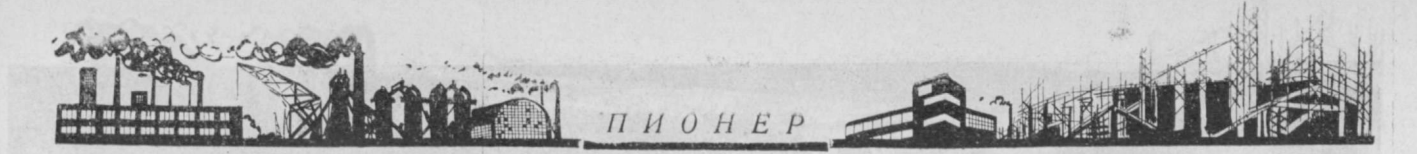
А Временное правительство набросилось на большевиков. Партия уходит в подполье... Ленин скрывается на острове в шалаше... Но партия жива, она бешено готовит революцию.

На заседаниях ЦК назначен день восстания... 25 октября (по ст. стилю) вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов захватывают все важнейшие пункты города, арестовывают Временное правительство, разоружают юнкеров и ударниц. В Зимнем дворце засели последние силы буржуазии...

С'емка самого грандиозного момента «Октября»— взятие Зимнего дворца. Пять тысяч человек участвовало в этой сцене.

Ночь с'емки штурма Зимнего... Вокруг дворца воздвигнуты баррикады из дров—последний оплот Керенского. Топот тысячи людей, рычание грузовиков, грохот броневиков... с крыш зданий, с подставок, отовсюду льют свет прожектора, юпитера, электрические солнца. Свет в 2.000.000 свечей потребовался для этой с'емки.

Верхний ряд: 1) подвальное окно в Зимнем дворце, через которое проникли во дворец первые красногвардейцы; 2) молится и крадет; 3) обстрел Зимнего. Нижний ряд: 4) Керенский жмет руки лакеям; 5) меньшевик в Смольном.

На верху арки, над бронзовыми конями, в рупор слышен голос режиссера Эйзенштейна:

— Начинаем с'емку! Приготовиться... Внимание... Убитым не забывать падать...

— Свет!... и ночь на площади превращается в день.—Вперед!

Тысячные толпы с глухим криком «ура» бросаются на баррикады. Грохот залпов, треск пулеметов, людская лавина заливает баррикады...

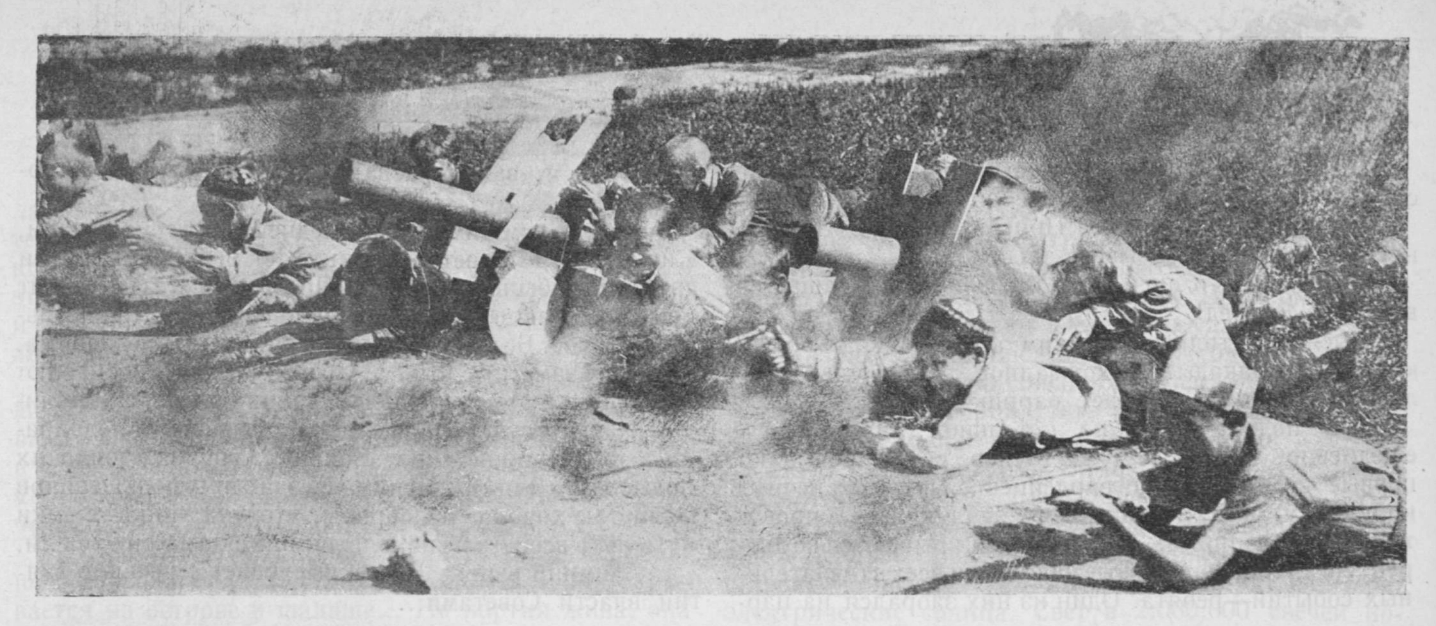
...В подвальное окно котельной Зимнего, где ежедневно сжигается 1.100 пудов угля, проникают первые восемь красногвардейцев. По бесконечным коридорам, где легко можно заблудиться, провожают их истопники... Сотни людей врываются во дворец, среди них постоянные участники всех замечательных событий—ребята. Один из них забрался на царский трон и, важно развалившись в нем, радостно смеется...

Идет штурм Зимнего, последней опоры буржуазии, а на II С'езде Советов Ленин ждет известия о взятии дворца, чтобы выступить... Президиум с'езда состоит из меньшевиков и эсеров, но большинство с'езда большевистское. Большевики проводят смену президиума.

Надо заметить, что все участники картины играют без грима и для исполнения таких ролей, как Ленина, Керенского, меньшевика Мартова и др. подбирались подходящие лица. Больших трудов стоило их подыскать. Для президиума с'езда типы меньшевиков были так хорошо подобраны, что участники с'емки чуть-чуть всерьез не поколотили их, когда они вошли.

...Зимний взят... Ленин выступает с речью о взятии власти Советами...

Верхний ряд: 1) «Аврора» перед Зимним; 2) рабочий, играющий Ленина; 3) в кочегарке Зимнего. Нижний ряд: 4) расстрел июльской демонстрации; 5) на с'емке: Эйзенштейн с рупором, за ним т. Подвойский.

Началась жаркая перестрелка

КТО ПОЛУЧИТ ЗНАМЯ ЛЕНИНА?

(Из материалов смотра пионер-организаций)

ПИОНЕРАМ—СПАСИБО

Живя в лагере, мы брали воду из грязного деревенского колодца. Грязнилась вода только от того, что колодец долго не чистился и заплыл грязью.

Однажды, на сборе первое звено решило вычистить колодец.

Утром, после чая, взяв с собою ведра, лопаты и одевшись погрязней, направились к колодцу.

Звено работало дружно. Первым делом вылили ведрами всю воду, затем один смелый пионер влез в колодец и, опираясь в сруб ногами, ведрами подавал жидкую грязь наверх, наверху же ребята выливали ее в ближайшее болото. К обеду ребята вылили грязи 124 ведра. Чтобы у колодца не было скользко настлали досок, тонких бревен и кирпичей. После чистки колодец быстро наполнился и уже вода в нем была чистая, прозрачная, ключевая. Крестьяре, беря воду, много раз говорили пионерам спасибо.

На первом совете лагеря стоял вопрос о выборе места для площадки и линейки. Решили сделать перед выходом, где были какие-то бугры, заросшие крапивой и сорными травами. В это время случайно к нам зашел председатель совхоза и, услышав о нашем намерении, сказал:

— Знаете ли вы, что здесь когда-то были клумбы и они заросли крапивой и еще теперь на них осталось несколько кустов роз?

Он раздвинул крапиву и к нашему удивлению мы увидели розы. У нас тут же зародилась мысль вырвать эту крапиву, провести дорожки, клумбы, обложить дерном, чтобы получилось нечто в роде маленького сквера. На эту работу выделили второе звено. На следующий день еще до чая работа кипела. Рвали крапиву, намечали дорожки и готовили палочки для поддержки роз. Через четыре дня вокруг клумб были прорыты дорожки, которые соединялись одной центральной, тянувшейся к самому входу в помещение. Клумбы взрыхлили, обложили дерном и розы, поддерживаемые палочками, быстро зацвели. Из белого щебня по углам клумб красовались серп и молот и пионерский значок.

Место приняло красивый вид, и совхоз гордился нашими клумбами.

Деткор **В. Степанов**

Москва, 138 отряд

ПИОНЕРСКИЙ ПАРК им. «ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ»

Летом у гомельских ребят наступает новая жизнь. Вся работа из клубов переносится в парк, который дан ребятам Гомельским Коммунхозом.

У входа в парк висит маленькая вывеска:

«ПИОНЕРСКИЙ ПАРК им. «ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ» ГОМ. ГУБ. ОРГ. Ю. П.».

На отдельных листах фанеры написаны законы и обычаи, пионерские лозунги и режим пионерского дня; эти фанерки развешены по всему парку.

Что это за беседка?

Подходишь, видишь—ребята сидят и читают, это читальня. А вот там, возле фонтана, другая беседка. Там ребята играют в шахматы, в шашки и другие игры.

«Лейся песнь моя, пионерская», долетает до уха мотив знакомой песни. Здесь расселись возле вкопанных в землю круглых столиков пионеры. У них сейчас проводятся звеновые сборы, а после сборов они поют или играют. Играть далеко ходить не надо, здесь же в парке есть будка, где выдают пионерам игры.

— Ребята, какую игру выписать?—задает вожатый вопрос.

— Крокет, городки, кегли,—сыплется со всех сторон вихрь слов.

Вот ровненькая площадка, вокруг нее вкопаны скамейки. На этой площадке ребята играют в баскетбол.

— Пас... пасуй,—раздается со всех сторон площадки.

Дальше еще одна площадка, на ней устроены гигантские качели. Здесь ребята качаются до упаду.

Парк открыт с 9 ч. утра до 1 ч. дня и с 5 ч. до 9 ч. вечера.

Каждый год 2 мая звуки духового оркестра оглашают парк. Они извещают об открытии. 15 августа — закрытие. Иногда в парке устраиваются пионерские гулянья.

Деткор **Н. Файншмидт**

Гомель

ИЗ САРАЯ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

Долго нам правление клуба не давало помещение. Целую осень нам пришлось мучиться, проводить работу то в школе, то в каком-либо клубе. Наконец, с большим трудом помещение было разыскано. Да и то сначала оно походило не на помещение, а на сарай. Пыльное, грязное, закопченное, на полу валяются различные бревна, железо и всякая ерунда.

На отделку помещения денег у нас не было, но мы долго задумываться не стали. Сейчас же на второй день утром собрались те пионеры, у которых имелись дома кисти, притащили ведра, купили красок, и работа закипела во всю. Некоторые стали белить стены, другие—таскать разные бревна и железо, а там, смотришь, с большим удовольствием ребята оклеивают газетами потолок. Затем вымыли полы и к вечеру, благодаря активной и дружной работе всех ребят, помещение уже приняло вид не сарая, а пионер-клуба, и теперь уже мы работаем безо всяких забот и мучений.

Деткор **Вася Орлов**

Москва, 22 отр. Баум. р.

МЫ СВОЕ ВЫИГРАЛИ

В 58 школе Красной Пресни при Трехгорной мануфактуре на два класса была только одна учительница. Приходилось ей один класс учить, а другой нет. И тянулась эта история с месяц. Придешь в школу, а заведующий всех домой отсылает.

Мы, пионеры, учившиеся в этом классе, собрались, обсудили это дело и отослали свое решение в ячейку ВКП (б). Прошла неделя—результатов нет.

Тогда мы всем классом написали заметку в фабричную газету «Погонялка». Через неделю заметка появилась в газете под названием «Так многому не научишься, дайте хорошую учительницу». После появления заметки нас вызвали в ячейку и фабком и расспросили об учении.

Фабком дал нагоняй заведующему и через два дня у нас была очень хорошая учительница.

Когда все это дело уладилось, завшколой пришел к нам в класс и стал нас ругать, а больше всего ругал меня, потому что моя подпись была под заметкой.

— Ладно, —думаю я, ругай, но песня спета...

А потом взял, да в школьной стенгазете протащил его, что за заботу об учении завшколой нас ругает.

Через 2 недели после этого случая нам дали нового, хорошего заведующего.

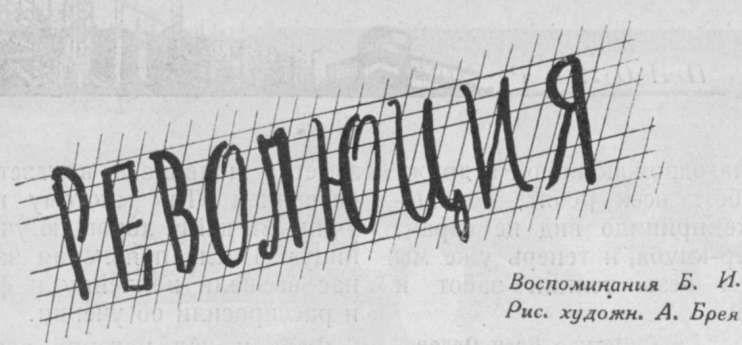
Вот как мы боролись за наше учение. И мы свое выиграли.

Деткор **Зябков**

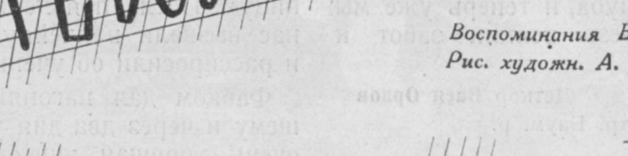
Москва

Наш пионерский огород будет примером всем огородам

Революция в школе

Воспоминания Б. И.

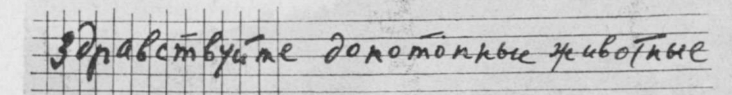
Рис. художн. А. Брея

Да здравствуетъ Сербія и Бельгія!

То, что теперь называется ясно и просто трудовой школой, раньше торжественно и важно называлось гимназией. Школьники назывались гимназистами или реалистами. Была еще обидная кличка «карандаш». Мне странно вспомнить, что я сам когда-то назывался гимназистом. Теперь это звучит так, как например, динозавр, археоптерикс или действительный статский советник.

Лучше всего я помню гимназию со времени мировой войны. Я был в 1916 году в третьем классе (теперь это 5-я группа). Нас после уроков гоняли на манифестации с терхцветными флагами и портретом царя. Мы шли по улицам к дому губернатора, пели «Боже, царя храни» и кричали «Да здравствует Сербия и Бельгия!», «Долой Германию!» и «Ура!».

Во время войны нас начали учить военному строю и отданию чести начальству.

Здравствуйте допотопные животные

Каждый урок начинался молитвой перед учением «Преблагий господи, ниспосли нам благодать духа твоего святаго!...» Кончалась молитва:... «Создателю на славу, родителям и учителям на утешение, церкви и отечеству на пользу».

Мы определенно не хотели учиться церкви и отечеству на пользу, что же касается учителей, то, не говоря об утешении, мы желали им побольше вреда и неприятностей. Нам казалось, что этого все они и нам желали за редким исключением.

— Здравствуйте, допотопные животные,—встречал нас учитель русского языка. Без лишних слов он намечал себе жертву из безмолвных учеников.—Отвечай!

Счастье, если ученик может отбарабанить, вытаращив глаза, без запинки 20—30 строк стихов из урока. Дальше гроза допотопных не спрашивал. Он ставил 5 и велел садиться. Цель была достигнута; учителю—утешение, церкви и отечеству—очевидная польза.

Но беда, если ученик запнется на одном слове. В клетке против его имени воцарялся жирный кол.

За восемь гимназических лет мы перевидали множество учителей. Большей частью это были мало способные, тупые люди. Не все над нами издевались, как «допотопный». Старому Тераху—латинисту—даже первоклассникам на ходу удавалось срезать пуговицы вицмундира. Этого человека травили целые поколения учеников, озлобленных придирками других учителей.

Мы занимались в вечерней смене. На латинском уроке не успел Терах войти в класс, как Лимон дернул за веревочку, привязанную к выключателю, свет погас, и в темноте начался ужасный концерт из стука парт, кошачьего визга и зубовного скрежета. Пробарабанив несколько минут, мы с грохотом выбежали из темного класса в уборную.

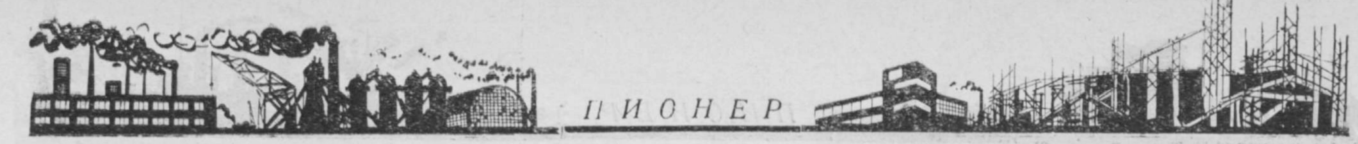
Когда через четверть часа мы вернулись и зажгли свет, Тераха не было видно—он сидел под кафедрой и дрожал всем телом.

По педагогу из... пугача

В гимназии бывало так: или ученики смертельно боятся учителей, или же учитель так же боялся учеников, и оба лагеря ненавидели друг друга.

Педагогический совет нашей гимназии

Редко, редко промелькнет фигура хорошего учителя—славного и умного человека. Любовь к такому учителю крепко держалась у учеников и сопровождала его из года в год. Этим учителям приходилось со своей стороны выдерживать постоянные нападки начальства и быть под вечной угрозой увольнения.

Ни о каком человеческом воспитании тут не могло быть и речи. Нужно было держать в страхе и послушании буйное стадо изобретательных и мстительных ребят. И для этого были выдуманы: карцер, кондуит, отметки, оставление без обеда, три по поведению и волчий билет.

Когда я учился, карцер применялся очень редко. Зато кондуит — штрафная книга — был страшной вещью. Записи в кондуит боялись, как огня и как тройки по поведению. А тройка по поведению означала близкое исключение из гимназии и основательную порку дома. Хуже всего был волчий билет. С ним дороги были закрыты. Исключенный с волчьим билетом больше ни в какую школу не принимался.

При мне исключили с волчьим билетом одного второклассника. Он выстрелил в учителя из... пугача. Учитель был нелюбимый никем Дадыкин. Он отделался испугом. Что стало с второклассником—не знаю.

Математик, по прозванию «Каторжник», был не в духе и поэтому поставил мне двойку по алгебре. Я решил, когда выйду из гимназии через 5 лет, дам каторжнику пощечину. Правда, я этого не сделал. Но незаслуженную обиду я помнил долго.

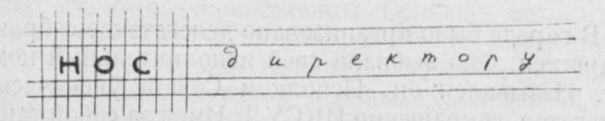
Единственно отрадное место в гимназии была... уборная. Там курили, ругались и отводили душу. Там было скверно и противно, но все-таки лучше, чем в классе.

Красный бантик Сергей Иваныча

Мы узнали, что в Петрограде свергли царя и страшно обрадовались. Мы обрадовались гораздо больше, чем наш директор Сергей Иваныч Медведев. Мы это дали понять директору. Но и он нацепил красный бантик и повел нас в один из первых мартовских дней на демонстрацию. Подпрыгивая, как мячик, он возглашал проходившим войскам: «Да здравствует война до победного конца!».

Мы 13-летние четвертоклассники мало что понимали тогда и добросовестно кричали «ура». Мы думали, что делаем революционное дело, но «дела», хотя и небольшие, но настоящие, были впереди.

Занятия пошли из рук вон плохо. До занятий ли, когда свобода перевернула все наши понятия? Мы поняли, что можем переделать нашу казарму в школу и решили сделать это.

Я выскочил из клуба-уборной с папироской в коридор. Мимо проходил директор, он посмотрел

Мы и директор на демонстрации в Феврале

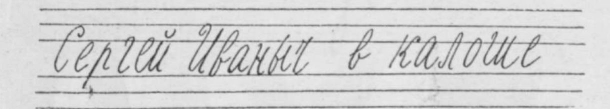
Только через мой труп вы попадете в класс

и ничего не сказал. Я показал ему вслед длинный нос.

Началась полоса вольностей.

Было много ненужного. Хотя бы история с папиросой. Но мы не видели другого исхода, как об'явить себя взрослыми. Курение это было демонстрацией. Мы потом сами постановили — в коридорах и классах не курить.

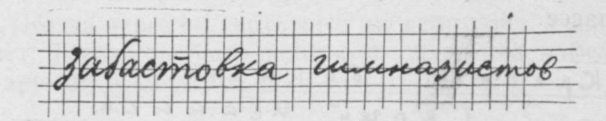
Учителя не знали, что с нами делать. Они были растеряны. Только один географ Ал. Зах. Имшенецкий, кадет и будущий контр-революционер, говорил на уроках со слезами на глазах, что свободу надо любить и ценить. Мы не знали, почему Ал. Зах. плачет, но с любовью к свободе соглашались. Мы согласны любить свободу и требуем ее. Началась пора возникновения ученических организаций. Классы, начиная с четвертого (6-я группа), выбрали по три старосты. Из них составлялся общегимназический совет старост. Это был первый орган школьного самоуправления, который открыл пальбу по каменным твердыням педагогического совета.

Это была горячая пора. Учащиеся выдвигали своих вождей. Способные ребята, хорошие ораторы, настойчивые и смелые, они лезли на приступ непривычных к словесным боям учителей. Впрочем, большинство учителей просто трусило. Активные монархисты и подлецы и члены черносотенной организации—«Союза русского народа»—попрятались. Оставался директор. Он был главным нашим противником.

Мы добились того, что наши представители заседали в учительской рядом с учителями. Мы очень гордились этим. Во время заседания рядовые ребята заглядывали в комнату сквозь стеклянные окна. На мягком диване в углу сгрудились наши представители. Маленькая горсточка зеленой-зеленой молодежи, среди 30—40 кряжистых дубов и скрипучих осин.

Тогда было время митингов, и хорошие ораторы ценились. Директор Сергей Иваныч, надо отдать ему справедливость, был тонким и умелым оратором. Из педагогов только он и Ал. Зах. Имшенецкий отлично преподавали свои предметы. Сергей Иваныч искусными ходами, тонкими построениями и умелыми выпадами старался запутать, запугать и огорошить наших ребят. Но и они были не лыком шиты. Наш класс выдвинул трех—Кошевника, Кринского и Черникова. Главным козырем был Кошевник—удивительно ловко он сажал в калошу Сергея Иваныча. Споры велись вокруг того, нужны ли отметки, нужен ли кооператив, можно ли учащимся устраивать собрания без разрешения директора, можно ли создавать кружки. И когда Кошевник ловким ходом поддевал директора, то он багровел, а мы за дверью топали ногами и ржали от удовольствия. В конце-концов мы добивались своего. Если нам не разрешал педагогический совет, то мы делали это без его разрешения.

Сергей Иваныч сорвал с доски об'явление совета старост о каком-то собрании. На заявлении не было подписи директора, который должен быть разрешить собрание и самое об'явление. Весть об этом мигом облетела все классы. Все здание зашумело встревоженным ульем, ученики возмущались, в классах были созваны митинги, на которых наши любимые ораторы пламенно призывали к забастовке протеста. Горячий Кринский и рассудительный Черников кипели негодованием, как паровые котлы. Забастовка, как метод протеста, нам понравилась. Старшие классы забастовали. Сергей Иваныч пошел на уступки, извинился. Забастовка удалась.

Дело шло к октябрю

В городе было организовано делегатское собрание учащихся. Оно выбрало свой исполнительный комитет. Назывался он—Исполком Совета ученических делегатов, сокращенно ИКСУД. Имея за собой такую организацию, мы становились смелей и уверенней. Учителя боялись уже не только нас, но и ИКСУД'а.

через мой труп.

Надо было видеть злобные и растерянные физиономии начальниц женских гимназий, когда иксудовцы приходили в гимназию проводить митинг. В одной частной гимназии начальница загородила собой вход в один из классов и заявила, что только через ее труп мы попадем в этот класс. Но мы не боялись угроз и ругательств старых начальниц. Одна за другой присоединялись к ученическому движению самые отсталые учебные заведения—женские гимназии.

После Октября положение определилось. Настоящими хозяевами нашей гимназии сделались ученики. Еще сидел на своем месте директор, еще ходили в классы учителя, но мы поставили на своем. Отменили отметки, организовали ученический кооператив, созывались родительские собрания. Географ Александр Захарьевич, высокий, красивый, с прекрасными усами, приятным голосом и упругой походкой, снова начал плакать с кафедры. Теперь уже по поводу большевиков. По его лицу текли настоящие слезы, он просил нас «в дни тяжелых испытаний нашей несчастной родины» не поддаваться агитации большевиков, подумать о настоящей великой и неделимой России. Слезы нас мало трогали, среди ребят уже намечались партийные склонности.

Оружие под партами

Наступило время, когда борьба с учителями отходила на второй план. На первое место выезжала внутриученическая упорная и по-настоящему жестокая борьба.

Политические партии намечались в нашем классе давно. Странно, что среди 40 учеников от 14 до 16 лет было около десяти партий: большевики, меньшевики, анархисты, эсеры правые, эсеры левые, эсеры украинские, поалейсионисты, обыкновенные сионисты, кадеты, монархисты и еще какие-то. Правда, они нигде не были записаны, хотя некоторые были в боевых дружинах и приносили в класс револьверы. С револьверами они не умели обращаться, и один раз в переполненном классе выстрелил наган эсера Ульста, пулей ранило моего приятеля Яковлева.

Красные и белые

Споры между учениками на политические темы переходили понемногу чуть ли не в драку. Резко класс делился на две части—красных и белых. В партии красных тон задавали большевики, в партии белых хулиганы-черносотенцы. Большая часть красных тянулась к большевикам и впоследствии притянулась основательно. Как раз наш класс дал много хороших коммунистов и дельных работников. Так например, наши «вожди» Кринский и Черняхов в 1919 году попали в Первую конную армию военкомами бригад или дивизий и, кажется, до сих пор там работают. Тогда ребята очень быстро становились взрослыми.

Белогвардейцы придвигались к нашему городу, и наши доморощенные монархисты стали наглей и опаснее. Хулиган и мерзавец Мальцев уже исподтишка грозил кому-то из наших ножом.

Дом учащихся

ИКСУД между тем работал очень энергично. В каком-то особняке на Садово-Куликовской улице был организован Дом Учащихся. Нечто в роде общегородского клуба. В Доме Учащихся было множество секций, начиная с политической и кончая поэтической. Я, к сожалению, имел больше тяготения к последней и занимался там в ущерб прочим делам. А дел было достаточно. В то время в школах еще не было обществоведения, и первые политические знания, которые мы всасывали жадными мозгами, мы получали в кружках Дома Учащихся.

Белые были близко. Работу надо было сворачивать. Директор наш уже покрикивал на учеников. Один из моих одноклассников носил над верхней рубашкой вязаный свитр так, что шерстяной ворот выступал из за ворота рубашки. Директор набросился на несчастного Кагана, велел ему немедленно сорвать с шеи «грязный чулок» и не надевать этого чулка, если он не хочет быть выброшенным из гимназии.

В 1918 году белые сменялись немцами, немцы гайдамаками, гайдамаки петлюровцами, потом опять белыми. Начальство терялось, и мы кое-как существовали. Хотя и говорили, что Сергей Иваныч сделал донос белым на кого-то из старшеклассников. Точно мы не знали, но во всяком случае перед вторым приходом красных директор и географ Имшенецкий удрали с белыми. О них я услышал уже в 1920 году в прифронтовой полосе в Мелитополе. Я был в армии заболел возвратным тифом. Ночуя в укоме комсомола, который помещался в бывшей редакции белой газетки, я топил печь старыми газетами. Из них я узнал, что директор и географ стали важными шишками, в белом Севастополе. Там им и место.

В конце 1919 года наша гимназия распалась, поэтому я ее так и не кончил.

ИКСУД под влиянием комсомольцев решил распустить себя. Он не был больше нужен. Организовалась секция учащихся при комсомоле, в которую уже входила большая часть иксудовцев и скоро вступили почти все остальные.

Из остатков Дома Учащихся мы решили сделать школу-коммуну, и к весне 20-го года организовали своими силами, пригласив учителей, но управляя ею сами.

Карандаш

ПИОНЕР
ОКТЯБРЬСКАЯ
ЗНА-МЯ НА-ШЕ КРА-СНО-Е НЕ-ДА-РОМ
КРОВЬ НА НАШЕМ ЗНА-МЕ-НИ ЦВЕ-
ТЕТ КНО-ВЫМ НАСТУ-ПА-Ю-ЩИМ ПО ЖА РАМ ПИ-О
НЕР ЗНА-МЕ-НА ПРО-НЕ-СЕТ
ЗНА-МЯ ПРИПОД-НЯВ НАДГО-ЛО-ВОЙ
ПОЙ ТОВАРИЩ, ПОЙ ДРУЖИЩЕ, ПОЙ:
ГО-ЛОС ЛОМА-ЕТ-СЯ ПЕ-СНЯ МЕ-НЯ-ЕТ-СЯ
ПЕ-СНЯ И ЗНА-МЯ ВДВ ОЕМ
СКО-РО НА ПРИ-СТУ-ПЫ МО-ЛО-ДОСТЬ ВЫСТУПИТ,
СМЕ-НА ГО-ТО-ВА И ДЕМ!
СКО-РО НА ПРИ-СТУ-ПЫ
МО-ЛО-ДОСТЬ ВЫ СТУ-ПИТ СМЕ-НА ГО ТО ВА-И ДЕМ

ПЕСНЯ

Знамя наше красное не даром—
Кровь на нашем знамени
цветет.
К новым наступающим пожарам
Пионер знамена пронесет.
Знамя приподняв над головой,
Пой, товарищ, пой, дружище,
пой:

Голос ломается
Песня меняется...
Песня и знамя—вдвоем.
Скоро на приступы
Молодость выступит!
Смена готова! Идем!

Старые отряды поредели,
Молодость на смену поднялась.
Наши барабаны загудели,
Наша песня в мире разнеслась.
Мы поем, знамена подхватив,
На один, товарищи, мотив:

Голос ломается
Песня меняется...
Песня и знамя—вдвоем.
Скоро на приступы
Молодость выступит!
Смена готова! Идем!

Ненавистью, бешенством и
злобой
Встретят нас враги еще не раз!
Пионер! Крепи свою учебу!
Пионер! Одень противогаз!
Высоко, высоко над людьми
Песни и знамена подними:

Голос ломается
Песня меняется...
Песня и знамя—вдвоем.
Скоро на приступы
Молодость выступит!
Смена готова! Идем!

Скоро вспыхнет порох, скоро,
скоро
Запылают новые огни.
Щелканьем винтовочных
затворов
Встретим наступающие дни!
И над миром, схваченным
огнем,
Скоро, скоро, скоро запоем:

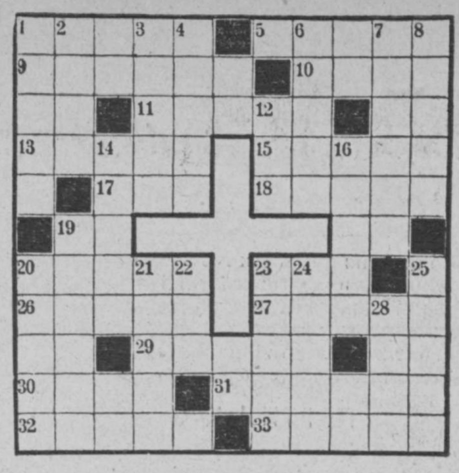
Голос ломается
Песня меняется...
Песня и знамя—вдвоем.
Скоро на приступы
Молодость выступит!
Смена готова! Идем!

ЗАДАЧА № 47

ПЕРЕКРЕСТНЫЕ СЛОВА

В данном квадрате предлагается расставить буквы таким образом, чтобы получились слова:

По горизонтальным рядам

1) Число. 5) Дерево. 9) Мясной продукт. 10) Известный провокатор. 11) Начало реки. 13) Защита. 15) Цирковое амплуа. 17) Местоимение. 18) Птицы. 20) Счет, употребляемый в торговле. 23) То, что есть в каждом фрукте. 26) Хищное животное. 27) То, что есть на каждом лугу. 29) Музыкальное произведение. 30) Выстрел из орудия. 31) Род посуды. 32) Род материи. 33) Вспаханное поле.

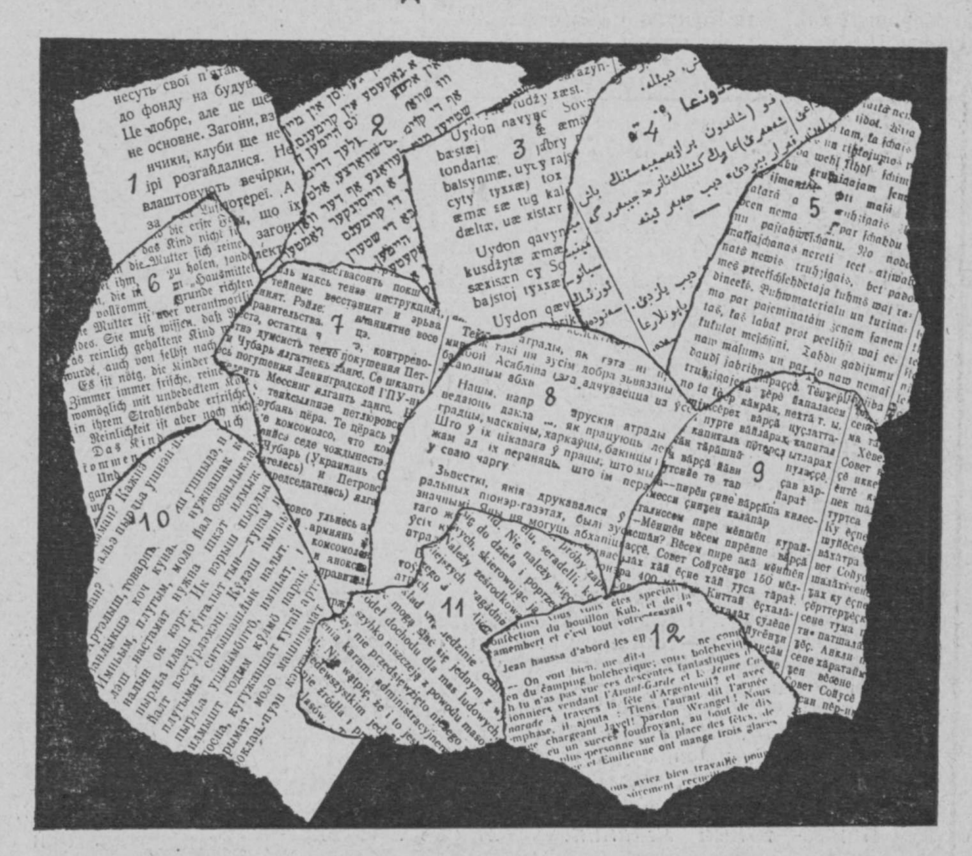
По вертикальным рядам

1) Птица. 2) Военное сооружение. 3) Созвездие. 4) Части тела. 6) Хижины на Кавказе. 7) Отрицание, придворные увеселители в старину. 8) Город в Греции. 12) Река в СССР. 14) Водяное растение. 16) Растение. 19) Вкусный плод. 20) Часть лица. 21) Род орла. 22) Заразная болезнь. 23) Засохшая болячка. 24) Нестройная толпа. 25) Литературное произведение. 28) Боец.

ЗАДАЧА № 48

В окне магазина было выставлено двадцать термометров, из которых половина были термометры Реомюра, а остальные—Цельзия и Фаренгейта. Определить температуру в магазине по термометру Реомюра при условии, чт сумма градусов, значившихся на всех термометрах, было равно 453, и число градусов температуры в магазине по Реомюру вдвое превышало число выставленных термометров Цельзия.

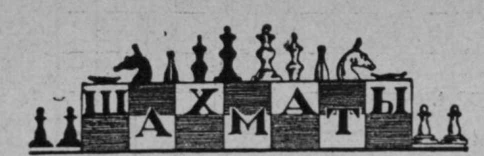
ЗАДАЧА № 49

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ЯЗЫКИ?

На данной доске наклеены 12 кусочков из журналов и газет разных народностей. Предлагается указать, на каких языках написаны эти вырезки.

Цена 20 к.

В одном из прошлых №№ мы говорили о комбинации в шахматной партии и привели один пример-комбинацию. Даем здесь партию, в которой также проведена блестящая комбинация, но уже несколько иного характера.

ПАРТИЯ № 3

Играна на международном турнире в Кечкемете, в 1927 г.

Защиту Каро-Канн

Белые — **Алехин** Черные — **Тартаковер**

1. e2 — e4 c7 — c6
2. d2 — d4 d7 — d5

Это начало и носит название «защиты Каро-Канн» по имени двух известных шахматистов, подробно разработавших ее.

3. Kb1 — c3 d5 : e4
4. K c3 : e4 Kg8—f6
5. K e4—g3 e7—e5
6. Kg1 - f3 . . .

Если белые возьмут пешку: 6 d4 : e5, то 6... Фd8 : d1 +; 7. Kp e1 : d1, Kf6—g4 и черные отыгрывают пешку c5 с лучшим положением (потому что белые лишились права рокировки, а король их уже в начале игры «гуляет» по доске).

6. . . . e5 : d4
7. Kf3 : d4 Cf8—c5
8. Фd1—e2+ Cc5—e7
9. Cc1—e3 c6—c5
10. K d4—f5 0—0
11. Фe2—c4! . . .

Хороший ход. Белым нужно вывести слона f1, который закупорен ферзем. Они это делают с темпом (т.-е. с выигрышем времени, хода), нападая на пешку c5 и в то же время грозя ходом Фc4—h4 начать атаку на короля.

11. . . . Лf8—e8?

Хотя черные и защищают пешку c5 (если 12. Ce3 : c5, то Ce7 : c5 + и выигрывают фигуру, а если сначала 12. Kf5 : e7 +, то Фd8 : e7 и пешку все же взять нельзя—слон e3 связан), но ход этот, как мы увидим дальше, слаб. Лучше было сразу 11... b7—b6.

12. Cf1—d3 . . .

Теперь у белых все готово для атаки.

12. . . . b7—b6
13. 0—0—0 Cc8—e6?

Черным как будто удается разменять белого слона d3, который может сыграть очень важную роль в атаке белых. Они ожидали хода 14. Фc4 — h4, но белые вместо этого находят блестящую выигрывающую комбинацию.

14. Kf5—h6 +!! . . .

Неожиданная жертва коня.

14. . . . g7 : h6

Взять коня необходимо. Если 14... Kpg8—f8, то просто 15. Фc4 : f7×. Если же 14... Kpg8—h8, то 15. Kh6 : f7+, Kph8 — g8; 16. Kf7—h6 + + (двойной шах), Kg8—h8; 17. Фc4—g8+! Л (или K): g8 и 18. Kh6—f7 × (так называемый «спертый мат»).

15. Cd3 : h7 +!! Kf6 : h7

Если 15... Kpg8 : h7, то 16. Фc4 : f7 + Kph7—h8; 17. Ce3 : h6 с угрозой мата на g7 и выигрывая ферзя и 3 пешки за ладью, коня и слона, что совершенно достаточно для выигрыша. Лучше всего было 15... Kpg8 — h8, но и тогда 16. Фc4 : f7 с матовой атакой.

16. Фc4 g4 + Kpg8—h8

Или 16... Kh7—g5; 17. Лd1 : d8, Лe8 : d8; 18. h2—h4, выигрывая коня g5 и оставаясь с ферзем против ладьи и слона.

17. Лd1 : d8 Лe8 : d8

Или 17... Ce7 : d8; 18. Фg4—f3 с выигрышем.

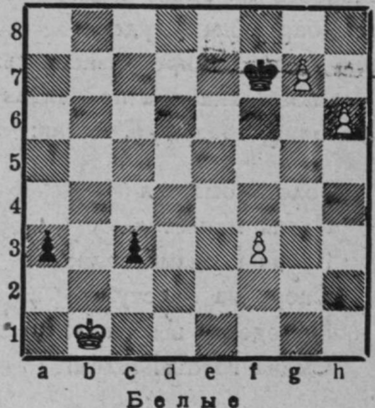
18. Фg4—e4 Kb8—c6
19. Фe4 : c6 . . .

Теперь у белых ферзь и пешка против ладьи и слона. Выигрыш — только дело времени.

19. . . . Ce7—f8
20. Kg3—f5 Ca6—c4
21. Ce3 : h6 Cc4—c5
22. Фc6—c7 Лa8—c8
23. Фc7—f4 Лc8—c6
24. Ch6 : f8 Лd8 : f8
25. Фf4—e5 + Kd7—f6
26. Kf5 - d6 Черные сдались

ЭТЮД № 2

Черные

Белые

Белые: Kp b1, п f3, g7, h6.
Черные: Kp f7, п a3, c3.

Белые начинают и выигрывают.